

С (кызы)
Ш 25

САЛИМА ШАРИПОВА

ЖЕРТВА

С (книг)
Ш 25

САЛИМА ШАРИПОВА

ЖЕРТВА

Формуляр книги

С (книг)	460411
Ш 25	Шарипова С.
	тв.
	30с

С (книг)
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 460411

ХРАЧЕНЕ

СНЕГ ДАВНИХ ЛЕТ

Было это, как теперь видно, «на заре туманной юности». В 1968-1970 годах я заведовал «литчастью» в ошской областной газете. Много времени занимала переписка с авторами, попытки преградить дорогу самотеку будничного безумия, непрерывным обвалам машинописных и рукописных страниц, густо исписанных тетрадок «в клетку» и «в косую линейку». В основном, это были стихи, посвященные официальным праздникам, рифмованные перепевы текущих призывов. В этом месиве родного «сюра» редкой отрадой стали стихотворные строки узгенской старшеклассницы Салимы Шариповой... Во всяком случае, это действительно были стихи. Свежесть, близость к природе, простая правда ощущения, без которой невозможны и начальные шаги в искусстве. Запало в память стихотворение о лесной прогулке, о сияющем нетронутым снеге, на который вдруг захотелось лечь... Я похвалил первые опыты Салимы, а впервые встретиться с автором пришлось через бездну времени — двадцать два года спустя.

Долгие, долгие годы... Салима Шарипова получила образование в Москве, вышла замуж, родила детей, пережила много мучительно-тяжелого, о чем поведано в явно автобиографических повестях и рассказах. Испытания не сломили эту женщину, гордую и ранимую, веселую и печальную, милостивую и сильную. Салима стала темпераментной общественной деятельницей, возглавила ассоциацию развития кыргызского Юга. Что

сказать о литературных трудах Салимы, создававших ся от случая к случаю?.. Порой они были криком оскорбленной души. Течение было не прямым, не равно мерным, жизнь не давала удержаться в русле целеустремленного творчества. Это, к сожалению, не проходит даром: первоначальная яркость ощущений распыляется, утекает. Недостает цельности, гармонии, литературной техники. Но есть некая незримая основа этих вещей, как есть она у ковра — неподдельная основа, на которой только и расцветает орнамент. И это — простое сознание, что все в мире связано; связь с действительностью, с бытом, но и связь с бытием, ощущение своей судьбы в неразрывном единстве с общей... Верность ощущению, искренность, чистосердечие, жалость. Сколько напластований... Слой европейского образования, дух студенческого общежития, московский налет... «Родник ее кроткий», — как сказал один старый поэт. Особый, изобретательный русский язык Средней Азии в сцеплении с неуловимыми оттенками кыргызской и узбекской речи. Верность обычаю, традиции, полуосознанная кармическая вера во Всевышнего, в неизбежность возмездия и воздаяния. И мощь идеологии, лепившей и обламывавшей нас всех по своему хотению, вольно или невольно. Власть той идеи, которая казалась непогрешимой у истока и вечно искажаемой на местах.. Думаю не только о судьбе Салимы — о судьбах целых поколений. Если бы, да кабы... История состоялась. Что говорить о возможных альтернативах! И все же... Если бы уцелело Кокандское ханство... В нем — на фоне забитости и бесправия восточных женщин — могли возникнуть и такие могучие, удивительные женские характеры, как Курманджан-датха, легендарная правительница Алая... Или, если бы пришли англичане, наверное, иные юноши и девушки из богатых и знатных семей

выучились бы в Оксфорде, в Кембридже. Не из тех ли университетских аудиторий вышла, скажем, Беназир Бхутто?..

Но «случилось то, что случилось», — есть такая притча в «Тысяче и одной ночи». У века была своя пора года. «Русские пришли и принесли с собой зиму», — как говаривали седебородые узбеки. Да, пришли, конечно, как завоеватели, но в сердце впервые побывавших в этой стране навсегда осталась, по выражению Гумилева, «тоска по солнцу Туркестана». Потом приехали совсем другие русские — бескорыстные ученые, открытатели, просветители. Во времена, более к нам близкие, появились беглецы от коллективизации, беженцы войны, блокадники. Рождалась невидимая, но глубинная, кровная связь пришельцев с этой Аллаховой землей, с этими народами... Никто не ощущал нежданного родства тоньше, чем великий кыргызский лирик Алыкул Осмонов...

Слово «интернационализм», очевидно, всерьез и надолго вышло из моды. Но мы — прежде всего люди, и наша общая родина — вся эта несчастная планета, оскверненная концлагерями, прожженная озоновыми дырами, запакощенная Чернобылем и Капустными Ярами. Всем вместе выжить или всем скопом погибнуть, вопрос стоит только так.

Пораженная ужасом узгенских событий, Салима Шарипова не может ограничиться описанием личной драмы. Пытается, изо всех сил пробиваясь к читателю, сказать о самом главном...

В отрочестве я не раз бывал в Узгене, в городке, который некогда был столицей и сокровищницей всего Мавераннахра, всей Средней Азии. Здесь мой покойный друг, выдающийся кыргызский поэт и переводчик поэм Заболотского, Жолон Мамытов хотел видеть столицу новой Киргизии. Знать бы, что по этим узким улочкам

от двора к двору пойдет кровавый вал! Я ходил по бесконечным холмам, ждущим археологов, поднимался на минарет, прикасался к выщербленной резьбе Караханидских мавзолеев. По каменным фризам стекали изречения из Корана...

«Если бы Бог захотел, он сделал бы всех вас единым народом; но Ему угодно было испытать верность вашу в соблюдении того, что даровано вам. Стремитесь, со ревнуясь друг перед другом, к добрым делам; всем вам предстоит вернуться к Богу; Он Сам разъяснит вам предмет споров ваших».

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ,

поэт, член Союза писателей России.
Москва, 1992 г.

ЖЕРТВА

В чисто выбеленной комнате у окна — постель. На высокой подушке лежит обвязанная полотенцем женская голова. Заострившийся профиль, неподвижность, бездыханная бледность... Как будто покойница...

Но вдруг раздался стон, послышались сдавленные всхлипы, какие бывают после долгих рыданий:

— Мама, мамочка, дети, простите...

Тут две женщины, одна — лет сорока, другая — лет за шестьдесят, в очках, сели у изголовья и у ног больной.

— Доченька, все хорошо, Вы остались живы... Это — счастье ваших родителей и ваших детей, — по-узбекски успокаивала старая женщина.

— Видите, до чего может довести женщину мужское бессердечие, — немного растягивая слова, говорила молодая узбечка.

— Может, Ширман пригласим, она погадает, что и как? — шепотом предложила старая женщина.

— Нет. Она, оказывается, партийная, работает на большой работе... Платье у нее такое дорогое, лицо такое благородное, сама чистых кровей... Нет, не надо никого звать, — также прошептала молодая и тут же переключилась на другое: — И что Якып так долго задерживается? Или Рустама не может найти?... Мухит дин, Озода, Дильшад, Фатима, Гульнара, — о, господин, кто из вас есть поблизости, — посмотрите на ули

це... Поддержим, может, помочится... Бедная, бедная женщина,— неустанно говорила Ольмасхон (так звали хозяйку дома).

Ольмасхон с Сурмахон приподняли женщину, но она покачала головой, давая знак, чтобы ее не трогали...

— Где вы ее нашли? Не обходитесь без приключений, — сказала Сурмахон-ая, соседка.

— Не говорите! Я ее доставила на сплюсненном такси — «Москвич», а Якып как начал орать, ну я ему быстро заткнула рот... А он свое: «Не успели от милиции неров избавиться, еще чего наделала... Опять — допросы, подозрения...» Я молчу, свое дело делаю — комнату открываю, постель расстилаю, а ее поднять и занести не могу. Смотрю, кивает Якып таксисту — и заносит красавицу домой и уходят. Все-таки хороший человек мой муж, — довольно заключает Ольмасхон. — А потом уже начали бегать туда-сюда и наладили машину, что и следа от аварии не осталось, — добавляет она.

Но вот во дворе начинается говор, слышатся шаги, входят мужчины, один — с медицинской сумкой...

— Здравствуйте, Рустамжон, уже два часа ждем... Вот — моя «паходка»... Спасите и тайну сохраните. Вот я Сурмахон-ая пригласила в свидетели — на всякий случай... Женщина эта — благородного происхождения и положения... Только на лице — горечь из самых глубин души... Видно, копил это долго, вот и стряслась беда.

— Может, милицию пригласить... А если умрет, кто будет отвечать? Может, она — грабитель или убийца, они, знаете, как выглядят?

— Я знаю, что она не умрет, и заглохни поскорей! Если не хотите, как врач, осмотреть, скажите! Мы дружок позовем. А милиция никуда не убежит. Я три года торила к ним дорогу, всех знаю в лицо. Надо будет — сама пойду. У ней трое детей, муж есть, партийная,

диплом высший — все документы с ней... Что погнало ее из дому? Да что я за нее отчитываюсь? Чуть что — женщина виновата...

— Ой, Ольмасхон-апа, что вы рассердились? Посмотрю я сам. Я просто предложил...

— Не предлагайте, — все еще раздраженно сказала Ольмасхон.

И начался осмотр. Когда Рустамжон повернул большую набок, она застонала. Правый локоть, правое колено были ушиблены. Из правого уха сочилась сукровица. Правое бедро было в синих подтеках. Артериальное давление неправдоподобно низкое...

— Кто она? — спросил врач.

Ольмасхон подала все документы...

— И еще у ней было четыреста рублей. Сейчас осталось триста, и... — прикусила язык, пожалев, что проговорилась. Рустамжон прекрасно знал характер снохи, но не стал выспрашивать ничего.

— Ну что ж, тайна, так тайна... Больной нужен покой и сон. У нее обморочное шоковое состояние после потрясения... Синий след на шее, лопатках — это следы побоев, а еще — ушибы... Надо бережно за ней ухаживать. Хорошо бы глюкозу покапать, да вот где молчаливую медсестру взять, — развел руками Рустамжон.

— А моя сноха? Она такая мастерица — все вены быстро находит, — вступила в разговор Сурмахон-ая, — и молчать будет...

— Рустамжон, значит, печень, почки, сердце — ничего? И переломов, растяжений нет?

— Хотя больница и рентген нужны, но все-таки, по жалуй, легко отделалась Кочонова Айгерим Имаровна, 1950 года рождения, кыргызка... В общем, полный покой, никаких шумных разговоров, никаких любопытствующих Ширан-гадалок... Сейчас я в руку вколю снотворное, а часа через три приеду с капельницей, добрые феи... У ней появится желание выговориться

Она отдохнет, а там дело быстро пойдет на поправку... Даже самые скрытные после свидания с дном могилы и после встречи со своими спасителями возвращаются к жизни. Это очень важно в будущей ее судьбе... Терпеливая, молчит... Может, вы и правы — бескорыстье чужих людей излечит скорее ее дух, поможет ей подняться, — говорил врач, готовя шприц...

— Это — только муж, только муж... Я, как взглянула на нее, сразу поняла: решилась женщина на что-то жуткое. Рассеянная, замкнутая, как говорится, молчала в себе только свое и — огромный синяк на шее выстучала из-под воротника пальто — я думала, она уходит к своим родным, а она хотела выпрыгнуть из машины... Такая молодая, такая красивая... А что ему — обрадуется и женится на какой-то потаскушке и будет порочить ее, ушедшую из дома... У нас же это не принято — мусульманкам покидать дом... Шайтан попутал гордую женщину, — плакала Ольмасхон...

— Начальники и начальниковы жены — всегда в панцире благополучия, а она объявила войну всем уставам, как-никак год рождения 50-й — год тигра, это надо только понять, гордые, сильные, честные люди... Не покоряются... Ну, да ладно... Придется вам не поспать. Скоро прибуду, — с этими словами Рустамжон и все другие вышли, оставив Айгерим одну.

Она лежала, еще не сознавая, что жива и поэтому слышит голоса, но вдруг послышался ей бешеный, неистовый крик, послышались удары и чьи-то ненавистные глаза приблизились к самому лицу.

— А-а-а, а-а-а, а-а-а! — трижды громко закричала Айгерим, с силой воспрянув, и вновь свалилась от нестерпимой боли, пронзившей всю правую часть тела...

— А-а-а, а-а-а, а-а-а, — жуткие рыдания с воем прорывались наружу.

— Она и там тоже так вот выла, — вбежала вновь Ольмасхон, за ней Сурмахон-ая.

— Доченька, не надо! Родная, хорошая. Пусть отсохнут руки, пусть отвалится язык, пусть навек сомкнутся глаза того, кто тебя преследует, — заплакала Сурмахон-ая, вновь садясь в ноги Айгерим, поглаживая ее поперх одеялом.

Дородная Ольмасхон мягкими руками сняла полотенце, погладила волосы, лоб, лицо и плечи, по-матерински приговаривая:

— Ничего, сестра, ничего... У Вас все должно быть хорошо... Лучше все выплачьте... А потом усните... Поспите, Айгерим, поспите...

От участливых голосов Айгерим успокаивалась...

— Озода, Фатима, сделайте лагман, нет — лучше манты с тыквой... Хорошо бы дыню... А, отец, дыню бы, говорю, — еле слышно обращалась Ольмасхон к мужу и дочерям, стоящим за окном...

Айгерим уснула... Ей давали дыню, очень дорогую и редкую в марте, Рустамжон и сноха Сурмахон-ая как пали откуда-то доставленную глюкозу, заставляли съесть манты с тыквой. Две семьи за всю ночь спали часа два-три, не больше, с первыми движениями пробуждающейся Айгерим все были на ногах — но все было вне сознания больной. Она понимала, что здесь надежные друзья, заботливые благодетели, но размыслить была не в состоянии... Утром она уже явственнее различала звуки, говор...

— «Человек и закон» келди, — сказал мальчик.

— Отдай отцу, я потом почитаю, — ответила мать.

— Ольмасхон, мои все ушли — кто на работу, кто в школу, проверю дом, за скотиной присмотрю, а потом приду, — сказала смуглая женщина с двумя рядами золотых зубов, с ямочкой на подбородке — и впрямь фея.

— Сурмахон-ая, надо бы хорошее мумие без приме сей ей попить с неделю, — предложила Ольмасхон.

Соседка остановилась у порога, потом согласно кивнула и неторопливой походкой вышла из комнаты.

— Где я нахожусь? — по-узбекски спросила Айгерим.

— В простом крестьянском доме... Отдыхайте. Я на год старше вас, зовите меня Ольмасхон, — сказала хозяйка дома.

— Боже мой, так вы из-за меня не поехали никуда. Как же? — заволновалась Айгерим.

— Считайте, что никуда я не собиралась. Люди ни когда в этой жизни не встречаются зря... Вы живы — главное для меня это. Я выполнила большое дело... Каждый истинный мусульманин только и мечтает об этом, а меня сама жизнь поставила на пути к шайтану, — серьезно и шутливо говорила Ольмасхон. — Раны заживают, какими бы грозными они ни были. Вы вчера родились заново, этот весенний день 1 марта спас Вас, надо жить. Просто надо жить. Я не люблю надменных, они прокляты богом, но они никогда не понимают того, что несчастливы, а у Вас — прямой, открытый взгляд... Хоть и смолчали в ответ на мое приветствие, я поняла, что мне нравитесь. Душа моя Вас привяла, Вас любит бог, но вдруг Вы страшно побледнели, покрылись потом, судорожно затряслись... Я думала, что приступ какой-то, а Вы... Вы готовились к прыжку, к смерти... Разве так можно? Вон у Вас в паспорте — дети, муж...

— Зачем я осталась жива? Зачем, зачем Вы удержали меня? — громко зарыдала Айгерим. — Муж, какой это муж? Внешний лоск, а сам распутник, изменник, дом — гостиница для ночлега, полное равнодушие, хапуга и вор, агрессивность и грубость с детьми, со мной — и я терпела, потому что я сама вышла

за него замуж, и у нас в роду никто не разводился... 20 лет... У меня не было парня, у меня не было мужчины, у меня такая маленькая, бесславная судьба. Я — мать, а достоинство мое попиралось на глазах детей. Я была безденежной при больших его деньгах... Он беспорядочно пил и сожительствовал с десятками дешевых потаскух, а под утро являлся домой лишь за тем, чтобы видели его выходящим от нас — и весь он жил на публику... Мне смеялись в лицо, тащили меня за руки, чтобы показать его очередных любовниц... Я не могла уже выносить этого гадкого сожительства под одной крышей... В маленьком городе я слышала, как он одаривал несытную родню, вереницу девок и останавливать его уже было нельзя. Над моими детьми измывался, и дети на глазах превращались в «трудповоспитуемых». Я должна была с ними уйти из дома, а муж боялся за должность и партбилет. Стал подумывать о том, как с наименьшими потерями отделаться от семьи. У меня была своя жизнь. Я уже не замечала и не видела его. Во мне все усиливались брезгливость и отвращение. Я решила дотерпеть до конца учебного года и от него уйти. Попросила мерзавца, чтобы он пожил у какой-нибудь из его очередных баб. Или же в одном из двух конспиративно выстроенных домов, или же на квартире у родичей-спекулянтов... И еще я сказала, что из-за несытных Тузаковых не желаю конфискации своего имущества.

— Что, от зависти лопаешься? — кричал он. — Что ты мне сделаешь? Ишь, она письма Горбачеву пишет... Ишь, она — активистка партии... Ишь, она публикует его!.. А ты — всего лишь змея подколодная. Я был для тебя дойной коровой, ценила деньги и удобства, каталась на машине... Ты не знаешь, что почем на базаре, ты не знаешь о существовании общественного транспорта — тоже, честная нашлась, — орал он. — Прянетвую

и гуляю вволю, чтобы не видеть твою умную рожу... Ты во всем для показухи — какая гордая, какая умная, какая терпеливая... Тебе ничего не надо — лишь бы похвалили... И подарки делаешь, чтобы хвалили... И гостей встречаешь — три дня не спишь, чтобы восхитился... Все в тебе — показуха, — не успокаивался он.

Я негодовала и удивлялась, — самую мою суть он превращал в маску. Уже не могла терпеть.

— Хватит с больной головы на здоровую перекладывать... Кто из нас живет показухой, а кто есть тот, кто он и есть — не тебе судить... Ты бы очень хотел, чтобы я ходила за тобой, чтобы устраивала сцены ревности, ты был бы рад моим страданиям, да не тот ты человек, чтобы о тебе горевать... Просто жалко взрослых детей... Не знаю, за какие грехи в семнадцать лет бог наказал меня встречей с тобой и не снимал пелены обмана с моих глаз в течение двадцати лет... Была только привычка вместе жить, а ты давно мне отвратителен и гадок... И твой родня тоже... А то, что я базара не знаю и общественного транспорта — это не такой порок, чтобы меня казнить... Тебе не хватает круга достойных женщин, ты всегда там, где грязь, где куча низкопробных баб, которых больше всего занимают размер твоего брюха, толщина твоего кармана и скорость твоей машины...

— Тебе дают возможность работать только из-за меня, ты знаешь, что о тебе говорят в горькоме? Все бы рады избавиться от тебя — только я помеха...

— Если это тешит твою злобу — пусть будет так, — совершенно хладнокровно ответила я, а его глаза налились кровью:

— Сволочь, отняла мои лучшие годы, да я тебе куплю место в психдоме за тысячу рублей, да я куплю двух алкашей, чтобы они голую оседлали тебя, и сфотографирую и разошлю повсюду, чтобы поглазели на та

кую правильную и идейно-подкованную... Чихал я на твою партию... Хочешь, я спалю этот партбилет? Ты думаешь меня им запугать? Мы, денежные, купили твою партию... Да, ей скоро конец придет... Ты отзываешься о проститутке Албановой, а ты знаешь, что она — наша любовница? Да мы скорее тебя уберем, чем ее не примем на службу... А отец нашей мафии, Эргеш, чтобы стать большим начальником, заворгу подарил японские часы — и вот он — в партии, и он — начальник... Ленин был один — и его скоро выволокут из Мавзолея, чтобы глаза не мозолил... СССР скоро развалится, все наше вернется нам, а голь останется голью, поняла... Кто взятки не берет?! Кто гаремов не содержит?! Кто из первых секретарей за твою идею «чисто ты рядов» бросится в пасть акулам? Акулы-то — на самых высших партийных должностях...

— Заткнись, алкаш, — кричала я. — Не для твоего грязного языка Ленин и другие... Тебе Москва дала образование, из кандидатов приняла в партию... Са мое человеческое, что было в твоей жизни — ублюдка и блюдолиза — осталось в Москве... Да, уползут твои, примазавшиеся к партии, может и дрогнет партия, но к ней хоть через сто лет вернутся люди, как сейчас возвращаются к богу, ибо Истина остается одна во все века. И карьеристы, и шантажисты, и горлопаны и всякого рода темные личности останутся сами собой. Их только слабо видно на светлом фоне, и светлос то же четче от времени. У людей много путей, а у правды — одна дорога. И движется правда слишком медленно, ее видно отовсюду, и ложь успевает набросать колючек, шипов, но и в кровь израильтянка. Правда бессмертна... Что бы ты ни делал со мной, даже если наймешь убийц, все равно Правда обо мне заговорит. Она дана богом, ложь выдуманна людьми!

Но он мне не дал договорить, ринулся, как бешеный, пинал и колотил, вскидывал меня, как штангу, и бросал

под ноги, но не было слез и стонов, передо мной отныне был ненавистный, коварный враг... Вот моя исповедь, Ольмасхон... Не стоило меня спасать..:

— Жестокие трусы опасны — нет им удержу, стараются они предусмотреть и охватить все наперед. Но родители и дети — для них Вы останетесь той, какую они знают и любят... И пусть на первых порах люди будут болтать, что угодно, — эта неповоротливая от полноты женщина, с удивительно цепкими пронизывающими глазами, была умудрена житейским опытом и советом вала она разумно. — Надо жить, просто жить! — повторяла Ольмасхон.

Айгерим же вдруг вспомнила, как после побоев и уха да мужа, уходившего с сознанием исполненного долга, она молча умылась, даже не разглядывая синяков, нарядилась, взяла деньги, всю свою жизнь, написала письма, кому считала нужным, вышла из дому и бесцельно пошла по улице. Неожиданно встретила бывшего их водителя Абдурасула и попросила довезти ее до автостанции. Здесь она, ничем не выдавая своего состояния, как-то безотчетливо остановила такси, села в «Москвич» с отметкой «Базар-Курган». На всем пути следования не нашла подходящего поворота, чтобы вы броситься, да и шофер непрерывными расспросами оттягивал осуществление ее замысла. В Базар-Кургане, успокаивая внутреннюю дрожь от напряженного зова смерти, неизбежной смерти, которая эхом откликнулась на такое решение, Айгерим угрюмо молчала, Молчала, пригвожденная к сиденью...

Водитель спросил:

— Дальше поедете?

Она промолчала. В это время к машине подошли полная женщина и худощавый мужчина — и они поехали.

По разговору Айгерим поняла, что они муж и жена, собрались ехать в Маданият навестить в клинике сест

ру. В последний миг машина забарахлила и муж решил заехать за запчастью в Ленинское, а жена, капитально настроившаяся посетить больную, от своего намерения не отказалась. Раскошелились на такси. Это все равно обходилось дешевле. Время дорого — весна — надо начинать работу на земле.. Обычный быт обычных ревностных крестьян... Муж вышел в райцентре Ленин-Жол... А Айгерим размышляла тяжело, отчаянно и обреченно:

— Ведь, действительно, проститутку приняли в партию, ведь берут взятки, большинство партийных руководителей пьянствует, развратничает, имеет гостевые дома, а сейчас еще начался видеобум, и смотрят они эту мерзость, сексфильмы, вместе со своими подчиненными и проститутками... Ведь он-то говорил жуткую правду. А кто такой первый секретарь? Он бессилен перед этими узаконенными боссами, а потому и выталанкивают таких, как Айгерим... Ну как он может не принять в партию любовницу работника Кыргызпотребсоюза, члена ЦК партии?! И самое страшное, когда эти с непроницаемыми масками на лице, мафиози, еще имеют наглость задавать вопросы по Уставу и Программе партии... Нет веры ни в бога, ни в идеалы... Даже в США, которые мы привыкли ругать, моральный облик, вера в бога — прежде всего... Дом не стал домом, святая вера попорана, нравственность — это значит во-время: на трибуне, за рабочим столом, в быту — на деть нужную маску... Не стоит жить! — и... Айгерим за айлом Хиля, бросив несколько десятков водителю со словами: «Беги, а то посадят!», резко открыла, дрожа всем телом, дверцу. Но что такое? Ее шею с криком мертвой хваткой обвила женщина. Каблук левой туфли барахтающейся Айгерим застрял под сиденьем, правый впился в бедро, голова и правый локоть были зажаты дверцей...

— Дура-ты, дура!.. Дура, баба! У меня пятеро детей, — орал водитель, стараясь тормозить, бешено ворочая руль. Машина выбила один столбик справа и остановилась у второго. Фары посыпались, крыло было вдавлено...

— А-а, а-а, а-а! — дикий вопль, никак не соответствующий облику этой женщины с умными глазами, красивым лицом, потряс всю эту холмистую округу... Вспотевший водитель всем телом налег на руль. Женщина, срываясь, кричала, обращаясь на «ты», что у узбеков крайне редко допускается:

— Да ты... что чужими жизнями и судьбами играешь? Смотри, какая молодая и красивая, смотри, какая весна... Ну, сняк у тебя, пройдет... Разойдись и все... Я вот третий раз замужем... Живу и не жалею... Рухнувшие надежды тебя гонят? А ты знаешь, что страшнее бездетности нет ничего для человека? С первым мужем пожила — развелась, со вторым — 8 лет, детей не было — развелась... А жила-то как? Деньги я у него в долг брала и вдобавок столько оскорблений... А за этого вышла за какие-то 10 дней, у него же она умерла, пятеро детей осталось, младшему — два года... Приросла к ним душой, и вдруг забеременела, понимаешь, всем назло... Как достался ребенок, а ведь они есть у тебя — ты не имеешь права не жить... Из-за мужа бросать детей, обречь их на пожизненный позор. Ты же — мусульманка... У нас женщина уходит из дома без детей, без спичинки, если застает муж с любовником... Все остается мужу... Ты гуляла?!

— Не-е-ет, — орала Айгерим... Потом был глубокий обморок.

Таксист и Ольмасхон возились вокруг Айгерим...

— Надо обратно, браток. Накрылся Маданият, — растерянно говорила Ольмасхон.

Все еще не успокоившийся водитель не мог попасть в зажиганне. Отодвинув сиденье, за руль села Ольмасхон: как-никак некогда была механизатором, но машина была как заколдована и не думала двигаться... Начали «голосовать» перед редкими автомашинами, и один водитель за десятку согласился взять их на буксир. Так они приехали в дом Ольмасхон.

Когда Айгерим немного пришла в себя, Ольмасхон дала ей собранные десятки. Айгерим еле внятно вымолила, чтобы взяли деньги из ее сумки и отдали шоферу на восстановление машины.

На другой день по заявлению мужа был объявлен розыск, а Айгерим по адресу в паспорте привезли домой Ольмасхон и Сурмахон-ая. Муж бросился допрашивать, но его отстранила тяжелая рука отца Айгерим. Они тут же увезли дочь, и дома лечил ее брат. Но благородные жесты Кочоновых, уверовавших, что зять и вправду ушел, оставив их в покое, наткнулись на неслыханное вероломство и жестокость...

Всюду мужем распространялась весть, что жену, на пичканную наркотиками, нашли под Пахтаабадом в окружении десятка нагих самцов. И она, якобы, до сих пор сама не своя и родители прячут ее дома... Так готовилась почва для давнего замысла. Узаконив «акулу» через прокурора Суеркулова, через врача-психиатра Эрмегалнева, с участковым Эргешовым и двумя сержантами, с медсестрой, которые никогда не видели Айгерим, на машине «Медпомощь» и на своей служебной машине с помощью своего брата — зав. поликлиникой и главного врача психдиспансера Рахманкулова муж доставил Айгерим в психушку, а детей, голодных и раздетых, закинул к ее родителям. Это было 18 марта 1988 года, 18 дней спустя... Очень странное явление в суидологии — самоубийство методом спрыгивания с транспорта, не правда ли? Но приглашенный отцом бу-

душий зав. кафедрой, будущий профессор медицинского института Соложенкин был не до конца искренен. Хотя и категорически отверг маниакальное сумасшествие, но и здоровой признать Айгерим не мог. Человеку, доселе ни разу не бывшему на приеме у психиатра, даже у невропатолога, защищая коллег-врачей, он поставил диагноз: «Циклотимия», что устанавливается лишь в течение года-полтора стояния на учете.

Унизительные вопросы (или пункты допроса) — все было почерпнуто из кляуз мужа на 50 печатных страницах в адрес обкома, горкома, прокуратуры, психиатра, горздрава и, самое странное, в адрес первичной партийной организации завода, откуда беспартийный врач-психиатр Эрмегалнев вытребовал партийно-производственную характеристику для приобщения к личному делу больной. Беспартийный врач требует партийную характеристику сумасшедшей... Это ли не оскорбление партии? Но встревоженный коллектив идет на это для облегчения и без того страшной участи Айгерим...

Врачи спрашивали:

— Зачем писала письмо Горбачеву о национальном вопросе?

— Зачем организовывала вечера и читательскую конференцию по «Плахе»? Зачем приглашала Айтматова в город? Зачем ходишь с лекциями по предприятиям? Зачем лечишь себя травмами? Почему в 34 года начала учиться играть на пианино? Есть ли родичи-шизофреники?

Они ждали взрыва, но Айгерим отвечала спокойно и терпеливо.

Повода для уколов и связывания не было, и ее выпустили через 100 часов оскорблений... Но муж не унялся, он с родичами стал бегать в областную прокуратуру и начал писать психиатру республики... Тут-то Айгерим 14 апреля (даже не прошло и месяца) по-

летела в Москву в Комитет советских женщин, в Прокуратуру СССР, в Минздрав СССР, в Институт Сербского, в клинику имени Корсакова... и, в конце концов, — в ЦК КПСС... Полмесяца она убеждала, просила, настаивала в очередях, но многое узнала, во многое вникла и хоть сама для себя обследование прошла. А из ЦК КПСС позвонили в обком партии, попросили разбраться. И однокурница, Надя, преклоняясь перед строгой Айгерим, обняв, сказала:

— Молодец, горжусь и восхищаюсь тобой.

Так они стояли, обнявшись, у метро «Площадь Ногина».

— Только не плачь, Надюша, а то и я заплачу, тушь размажется, а нам надо где-то культурно посидеть, отдохнуть — ведь ночью улетать...

И пошли они в кафе «У дяди Гиляя».

Обком, обсудив заявление на секретариате, создал комиссию. Все говорило в пользу Айгерим, ей передали квартиру, ее восстановили на прежней работе, разговоры утихали, но вдруг вмешалась чья-то властная рука — и возмездие повисло в воздухе, замедлилось окончательное решение... Муж-инициатор стал жалкой пешкой в чьих-то руках, и эта пешка проигрывала игру. Тем не менее, кто-то из шайки был силен, и, спасая себя, выволок всех, а потом был нанесен Айгерим новый удар. Член комиссии Эгембердиев из облпрокуратуры официально известил, что Айгерим сама ездила на обследование, и циклотимия — неплохой диагноз... Кочоновы просто плюнули на козны всей этой мрази и только... Если сам первый секретарь обкома не может понять, что его подчиненная Кадырова обычная женщина, кому и что там доказывать?

— Утроенные сутки, — говорила Айгерим о тех днях и ночах беготни, безысходности, разочарования, отчаяния, жгучей боли, сомнения, жестокой траты нервов..

Попранное, растоптанное человеческое достоинство — можно после этого жить?

А палата № 3 психушки?! Акбу — то плакала, то смеялась и ссорилась, ссорилась без конца и края, не устанно высказывая обиду на кого-то, неустанно вышагивая, взад-вперед по коридору, то начинала с жалостью целовать Айгерим. Калбу, не переставая, рыдала, с привязанными назад к спинке стула руками — послеродовой психоз. А глаза у нее были разными: левый — зеленый, правый — карий. Она просила Айгерим к ней не подходить, плача говорила, что ее обманывают, и горестно взывала, когда за Айгерим захлопнулась дверь.

Нуржамал — птичка «чымчык», шизофреничка. Однако, она не ошибалась в словах и мелодиях песен, говорила, что она — артистка, говорила, что Айгерим — хорошая эже и ее муж умрет: потом вздыхая, начинала говорить, как врач Абдимат из мужского отделения на силывал ее, говорил, что будет хорошо, а было больно, была кровь, потом не стало, потом был аборт. Она говорила эту жуть несколько раз в день, никто не обращал внимания, но, действительно, этот врач в психушке существовал и звали его так. Только раз попыталась медсестра криком запугать, заткнуть ей рот, но Нуржамал начала рассказывать громче. Адина, улыбаясь, обнимала Айгерим, просила непременно приехать на ее свадьбу, а потом, целуя руки Айгерим вплоть до плеч, начинала плакать с завыванием.

Были больные (в умеренном состоянии) с предельным упадком сил, с психозом после удаления зубов, и самое неожиданное, — нормально разговаривая сегодня, — наутро Саодат или Зухра оказывались связанными и спящими... У некоторых вместо глаз были какие-то светящиеся осколки, некоторые подходили к окну и проклинали воображаемых врагов.

Из этих женщин 80% попали сюда несправедливо, из-за дикого произвола в семье или вокруг, 10% — из-за наследственных заболеваний, 10% — в результате несчастных случаев или постигшего горя... И одна, упрятанная сюда мужем, Айгерим всячески пыталась уберечь лицо и глаза (когда-то она слышала, что люди с отклонениями в психике не переносят здорового цвета глаз), по 41 раз читала одни дедовы молитвы, по 100 раз — другие — и никто из буйных не подошел, не напал, так, угрожали издали...

Муж был взвинчен выпиской Айгерим из больницы, еще больше возмущен приездом жены с детьми в свой дом. Пьяные звонки, бесстыдство, угрозы со свету сжить, все проходило мимо Айгерим, она думала только о детях, об их восстановлении в школе, в садике... Когда вернулись, было столько неожиданного... Обворованная, запыленная, запущенная квартира была непригодна. Когда, отгоняя темноту и холод, дети отодвинули занавески и открыли окно лоджии, при виде их трех головок у соседей, собравшихся внизу, сжались сердца, некоторые расплакались.

А три маленьких человека — большеглазые и просто душные, задавали отцу своему самые простые вопросы: «Где диван?», «Где белый телефон?», «Где маленький казан?», «Где ковер?», «Почему так грязно?», «Почему не помыл посуду?». И этот опустившийся человек, который мог только беспощадно орать, отвечал им с усталой готовностью, с чуть выступающими слезами... И когда в прихожую двинулись соседи, он был растерян: он понял, что никто ни на один миг ему не поверил, и вся грязь, в которую он всячески пытался втолкнуть жену, не прилипла к ней и малой частицей, но зато облепила его самого. Он видел это в тактичном молчании соседей, в сдерживаемом, но не скрываемом осуждении...

Городская молва уже разделялась надвое, и с каждым днем уменьшалось число его сторонников.

Да, правда требует доказательств — размышлений спора, аргументов. Легче бездумно поверить навету... Не мое — и ладно?! Только вот каждому человеку на до в этот миг подумать о себе или о своих близких и дорогих людях. Ведь и они могут попасть в подобную ситуацию. Но Айгерим повезло: ни один из друзей не оставил ее, не встал на сторону мужа...

Через два месяца был суд, развод. Это был необычный процесс с длительным небывалым прологом. Исковое заявление на расторжение брака было написано мужем на сорока печатных страницах, (хорошенько подумав, он сократил свою прежнюю ересь из 63 обвинительных пунктов на полусотне страниц). И потом — разводились два руководителя, два коммуниста, проживших вместе двадцать лет. На стороне жены — правда, справедливость.

Мужем была нанята известная адвокатесса Суровцева, которая не нашла ничего лучшего, как спросить о якобы взятой взаймы четыре года тому назад сумме в две тысячи рублей. Якобы Айгерим не возвратила занимающему, рассчитываться пришлось мужу... Но судья отверг данный вопрос, сославшись на срок давности и отсутствие расписки... Отмел остальные вопросы, не относящиеся к теме расторжения брака... и как бы не видел свидетелей — родичей Тузакова, толпившихся на улице. Тузаков заметно сник и все лепетал «не сошлись характерами», а Айгерим сказала:

— Обоснованность всякого действия требует противодействия равной обоснованности. И всякая обоснованность должна быть правдивой. Какое же обоснование у лжи? Извините, если позволю немного высказаться, тем более, что этого человека я вижу в последний раз... Конечно, если его можно назвать человеком... Как видно, мне было суждено стать женой такого басмача мелкого калибра? Откуда берутся они? Может их творят женщины — их бесправие, с одной стороны, и без

нравственность, с другой... Обижаться на судьбу и взывать к правосудию, наверное, не стоит, но своего добились. Я видела его страх, я видела, как он и вся его шайка ерзали и нервничали... Они были готовы предать его и все свалить на него... Да, они были у меня недавно на приеме. Те сто часов унижений и растоптанности прошли не зря, и я теперь должна достойно расстаться с затянувшейся и хронической болезнью — покорностью и униженностью... Даже сейчас он притязает на эдакое сочувствие к страдальцу... Одну ложь прикрывая другой, он по уши оказался в грязи и ему уже все равно, что о нем подумают, как осудят. Опора на заведомую ложь — норма его жизни... Это прекрасно, что заявление написал, он избавил меня от мара ния бумаги, от необходимости писать на ней ненавистное имя.

По огромной квартире в нарядном пеньюаре бродит тень. Это — Айгерим. Тщательно причесана, на лице — косметика, но все это — лишь привычка следить за собой, за своей наружностью... Ходит тень былой Айгерим... Уютный блеск комнат не радует. Глаза красные, словно бы глазами выходит кровь сердца; взгляд тусклый, душа омертвела. Айгерим взяла отпуск, чтобы справиться траур. Портрет мужа с черным бантом на столе. Итак, она похоронила свою любовь, которая раньше не давала стареть, дарила счастливое ожидание и давала мудрое терпение, любовь, в которой было оправдание унижений и оскорблений, которая делала святой ложь внешнего благополучия. Сквозь толщу лет зывала Айгерим, кричала себе восемнадцатилетней: — Был ли он, вспомнить не могу!

Там стояли худенькая девочка с челочкой и сильный, смелый, кудрявый парень... Ей — 18, ему — 23. Он после практики заработал много денег и пригласил ее. В метро они доехали до Казанского вокзала, и он на полсотню купил ей цветов. Люди в переходах, на эскалато-

рах, в вагонах метро расступались, восхищенно уступали дорогу любви. Айгерим была красива и в глазах москвичей, а спрятанная за охапкой цветов казалась еще краше, и незнакомые люди добрели и улыбались.

— Я сделаю все, чтобы ты не знала нужды, чтобы ты никогда не болела... У нас будет два сына и дочка, они будут очень хорошими людьми. Я так долго искал тебя, знал, что ты есть, что ты всегда будешь меня понимать... Я с тобой буду обо всем советоваться... Ты же умница...

— Любимый мой, не более, не умирай, знай, этого не переживу...

Почему Айгерим явилось это дальней видение? Сей час она чувствовала, что умирает. Все это время она любила его одного, и сегодняшний день быть может был высшей карой за самонадеянность, за то, что любила одного, была предана одному...

Скоро по улице пойдет на работу женщина, траура которой не увидит никто. Только увидят, что осунулась, потемнела красивая Айгерим. И во взгляде — непривычная суровость...

... А в городе слухи, порочащие Айгерим, утихали. И чем больше говорила, шептывала его родня, тем хуже к ним относились люди. А некоторые, защищая ее, наживали себе немало врагов. И здесь отметила Айгерим, что в официальном оправдании, в защите ее чести и достоинства приняло участие очень много друзей-узбеков. Рано, Сабира, и особенно Каримжан-ака, дальний потомок по материнской линии Хамзы Хакимзаде Ниязи...

Каримжан-ака, прозванный «генералом» за дотошность и придирчивость в работе, за неприязнь к расхлябанности, провел свое частное расследование с помощью многочисленной своей родни, проживающей и в Кыргызстане, и в Узбекистане, занимающей различные посты, и без ведома Айгерим послал письмо в Москву.

А когда пришел ответ-отписка, Каримжан-ака все-таки счел необходимым ввести в курс дела Айгерим... Приехал к ней с женой Эhtiборхон-ая и сыном Хайрулло. Приехал по всем законам юга: вместительная чаша с горячим пловом, сладости, лепешки, фрукты были завернуты в огромный узел из цветастой скатерти.

Айгерим с двумя сыпочками и доченькой сновазавидела между кухней и столовой, когда Каримжан-ака попрощался с ее сестрой.

— Сестренка, — начал добрый Каримжан-ака, мягко глядя в грустные глаза Айгерим, — долгие годы ваш отец был другом моего дяди, потом мы с вами поработали несколько лет, я ушел оттуда, но мы остались братом и сестрой и я не мог не написать в Москву. Хорошую консультацию дал мой брат из Курган-Тюбе... Я исходил из мысли, что такого не должно быть. Если партия помогает губить в наше время редких чистых людей, то ей не жить. Ее свергнут... Но очень больно за Ленина, за Хамзу и за десятки других, которые нам дали истинную свободу и равноправие... А теперь о Вас, сестренка... В Вашей судьбе скрестились два события из прошлых грехов нашего властителя... Я должен был об этом сказать. На память Вам для веры, для укрепления духа отдам вам копию моего письма. Выше голу!

Сердце Айгерим начало мелко покалывать от какого-то предчувствия: она пережила так много, что невозможно было быть хладнокровной. Ее глаза уткнулись в пол, в поисках незримой опоры, и вот она собралась с силами и стала слушать. Каримжан-ака начал повествовать об итогах своего расследования.

— В 56-м году «большой властитель», тогда он был простенький инженер, прибыл на Узгенскую автобазу и жил недалеко от моей Омина-хола... Парень он был видный — высокий, чернобровый и уже со значком...

Через некоторое время он познакомился здесь с девушкой-узбечкой, медсестрой, депутатом, что было еще редкостью в то время. Хотя любви не было, но ребенок был зачат, а неуловимый паренёк взял да и женился на дочери довольно влиятельного лица...

Мать же отвергнутой активистки, пробивная и шустрая женщина, осознав, что жених обманул, а пойти против его могучего тестя невозможно, быстро сорнировалась. Она развела с мужем старшую дочь, продала дом в Узгене, срочно купила дом в Кара-Суу и распространяла слух, что дочь-разведенку с двумя детьми выдала замуж. Девочка, родившаяся спустя некоторое время, якобы была ее третьим ребенком. Тут же ловко была соткана легенда, что второй зять нелепо скончался, придавленный тутовником. Поймите, сестренка, что не было такого человека, нет и могилы, — Каримжан ака задумался. — Потом они вновь переехали в Узген и распавшаяся семья вновь соединилась. Людей можно обманывать только малое время, и, конечно, до них что-то доходило. К тому же, девочка с годами сильнее становилась похожа на «тетку», роман которой с преуспевающим теперь инженером еще помнили. Во хмелю зять гонял и теребил всех, требуя правды, а прячущуюся девочку называл «харамы» — незаконнорожденная, нагуленная... — Да, сестренка, надо отдать должное женщине, которая по воле матери, пожертвовала всем добрым в своем доме... Пока жива была теща, она старалась девочку держать у себя (Младшую она удачно выдала замуж еще в Кара-Суу за врача-казаха, прибывшего сюда по распределению. Так что, она устроилась). А девочка с детства начала понимать, что она не такая, как все, знала, что есть тайна, видела, что ее никто не любит и ее боятся ласкать. Ведь казалось, что девочка принесет только слезы и несчастья, и для того, чтобы выжить, она рано научи-

лась приспосабливаться, лицемерить, а за спиной поносить людей, оговаривать...

Далес, Айгерим, вашего отца перевели на работу в Узген. У него в совхозе механиком работал парень За рылбек, однокурсник того инженера. На совхозном грузовике они решили прокатиться в выходной день и во хмелю утопили его, благо остались сами живы. Зарылбек умер лет десять назад, а в тот день спаслись оба. Уголовное дело, заведенное на них, при большом содействии вашего отца было закрыто. Так что, Айгерим, сестренка, этот человек привык смолоду уклоняться от наказания за содеянное и два его греха скрестились на вашей судьбе... Та девочка — нынешняя жена вашего деверя, которую вы одевали, за которую заступались, но она не знает добра и не ведает благодарности. Для нее нет святых — она одним тоном оговаривает всех подряд. Она — незаконнорожденная дочь нынешнего «властелина», и ее мать, до сих пор именовавшаяся теткой, прибыла прямо к нему из Джамбула, после чего он должен был зачеркнуть и Вас. И, увы, пример подал когда-то ваш отец.

— Каримжан-ака, она ничего не скрывала от нас, но мы не принимали ее всерьез... Правда, моя золовка Ибадат один раз при ссоре назвала ее «харамы»... А вообще-то, мне больше всего неловко от того, что столько лет была членом этого круга... Но я их похоронила в душе... А теперь берегите себя вы. Дорогие мои, как я благодарна! До этого несчастья я не знала, насколько я богата: столько хороших людей вокруг... Я просто счастлива.

— Закона для денежных, оказывается, нет, — горько заметила Эхтиборхон-ая.

— Трудно и непросто было все минувшее в себе уничтожить, но когда я добилась этого, мне удивительно легко жить. Люди встречаются неспроста, и судьба да

ется такая, какая отпущена — и это все во имя будущего... Я заготовила себе на будущее сказку, — торжественно сказала Айгерим.

Так они расстались в этот свежий вечер конца осени 1988 года.

Прошло два года. Политические страсти заполнили страну. Коммунисты, являющие собой «рабочую прослойку» и вступившие в должности по звонкам влиятельных лиц, снимали маски. О коррупции, мафии, организованной преступности, проституции, наркомании и спекуляции говорилось в открытую... Многие ждали ухода ленинской партии с арены. Предлагалось закрыть и Мавзолей. Началась кампания по лихорадочному переименованию улиц и городов. Героическая эпоха рассматривалась только в негативе, всплески межнациональных столкновений наводили на мысль о том, что существует единый источник хаоса. Такое огромное число людей научилось искусно говорить... Страна Советов обламывалась по краям, в нацкраинах больше стало говорить о некоем угнетении со стороны центра и России... И мало кто хотел сравнить фотографии дореволюционные и нынешние. А все-таки Айгерим сознавала, что Россия дала много хорошего и, несмотря на призывы Солженицына освободиться от «среднеазиатского подбрюшья», именно Россия дает силу для обновления. То, что произошло в Оше летом, и то, как это муссировалось, сейчас приводит к мысли, что все было устроено специально. Появились официальные документы и предложения об отделении Ошской области от северного кыргызского региона, разжигался сепаратизм, трайбализм. Прожив семь лет в Москве, Айгерим понимала, что их поколение еще можно допенси за нос поводить, но грядущие поколения будут поколениями духовного Возрождения. Они всему дадут свою оценку, возвысившись над отсталыми националь-

ными, тем более, над родо-феодальными элементами... Мир един, и стремление обособиться — это как раковая опухоль, своевременное удаление которой может еще гарантировать здоровье и долголетие, а пренебрежение приведет к тому, что будут заражены все животворные сосуды организма...

И в такие-то дни Айгерим решила отметить свое со рокалетие, как в былые, более спокойные времена, в городской дискотеке. Родители отговаривали, но разрешение коменданта было получено. Родичи Каримжан-ака: Кабылжан, Адахам, Махмуд отметили чудо, а не сервировку. Было больше ста гостей... Конец августа, а вентиляция не успевает сбить жару. Как будто и не было июня-июля — все танцуют узбекские танцы, поют по-русски и по-кыргызски, все друзья сидят за одним столом, звучат разноязычные пожелания... Нет, мы едины, и если нет жилья, работы — то не одна нация виновна перед другой, а зажавшиеся начальники, которые думают только о себе...

Для Айгерим было важно увидеть в такой теплой обстановке глаза друзей, нет ли затаенных упреков, нет ли взаимного выжидания... В глазах этих людей этого не было... Не было запятого камня за пазухой у людей, которые встречались на заводе, на улицах, по которым шла она на работу. Но кто эти люди, лишившие других людей покоя, добра и самой жизни? Кто? Их надо найти не для сенсаций и лжи, льющих с печатных страниц и с экранов телевизоров... Их надо найти для истины и справедливости.

Люди, как всегда, вместе выходили покурить, вместе отплясывали в зале и вместе дарили Айгерим горы цветов...

Вечер закончили в семь часов и родители увезли Айгерим с детьми в Ош... Красивые люди, красивые слова...

Не спалось. В свисающих лозах виноградника проплывала луна.

Почему-то в последнее время ей очень многие стали намекать о необходимости пойти замуж... Ни в чем у ней не было нужды, да и кавалеры с ней заикомились красивые, умные, деловые, порядочные. Предлагали замужество... А неспокойные времена обнижали то, что она без опоры. Теперь Айгерим боялась за детей. Но не могла принять ухаживание того, в ком с первого взгляда не видела доброты. Созревало мнение, что ни одна женщина не удосужилась родить для нее сына... И именно сейчас ей вспомнилась та свадьба. Старик, в развевающейся белой рубашке, перетянул трос через мост, требуя у едущих свадебного подарка, и лишь заполучив атласный бельбаг и гостинцы, дрожащими руками провел по лицу, прося у бога счастья для этих незнакомых молодых... А потом она на берегу Кугарта в зарослях переоделась в воздушный свадебный наряд—дорога была дальняя и невесту одели в простое платье, а в свадебное велели переодеться где-то поблизости от дома... В этом новом доме было столько суеты, мельтешили новые лица, бесследно уходили из сознания, ведь сердца любящих то замирали, то парили на головокруглительной высоте... Сколько было потом таких ночей, как эта. Сидел он в их саду с Айгерим на коленях, называл созвездья, мечтал. Как он любил дождь! А в яркий солнечный день в горах он показывал тени хребтов, то, что без него Айгерим никогда бы не увидела. Как ездили купаться... Да, у них действительно родились два сына и доченька, и дети с малолетства не понимали жизни без воды, как и их отец, который старался остаться с женой на природе допоздна. Сладко было под журчание реки смотреть на луну, которая и тогда плыла безмолвно, как сейчас, и не знала Айгерим, что так нелепо обломится на лету крыло его

любви, и предстанут они совершенно иными под этой луной: она, разучившаяся летать, он, немыслящий и сломленный...

В бесконечной ломаной жизни на этом отрезке произошел обрыв: чтобы преодолеть эту непредусмотренную крутизну, им надо было объединить усилия, но в этой точке силу и высоту чувств сохранила лишь она. Он сорвался и ушел в бездну, она была изранена смертельно, но все же спасена.

Человеку среды невозможно что-либо противопоставить, кроме самой среды... В Москве он во всем тянул за академиком Волковым, у которого был аспирантом, а здесь постепенно переплюнул самого последнего под халима: отвечая на вопросы, врал, обид и просьб не принимал, молчания не хотел понимать, разврат привычно оправдывался, благородство осмеивалось... В худших случаях единственное оправдание семьи—это дети, и во имя их будущего семью стараются сохранить, но это отвергла она сама, Айгерим... Она должна быть любима, уважаема, признана, в конце концов, это было минимумом того, что она заслуживала, одновременно являясь прекрасной матерью, женой, хозяйкой, и его любовницей... Ее энергии хватало на все, хлеб честно зарабатывался, признание в коллективе завода и среди горожан было оправданно завоевано. Недаром люди встали за нее горой, когда пришло горе... Но об этом сейчас мало думала Айгерим... Подсознательно она боялась не оправдать доверия хороших людей, ее жизнь становилась прозрачной и незавидной ношей. Она связала себя невысказанными обещаниями—становилось неловко. В глубине души тяжелой ношей давило постепенное разочарование в своих способностях: языки продвигались с трудом, диссертация все откладывалась, рукопись книги пылилась третий год... Не проще ли просто выйти замуж и просто быть женщиной?! Но это — отступление, измена себе самой...

Уже разомкнулись веки, в беседке потянуло ранней прохладой, луна предутренне вылиняла. Айгерим, опираясь на локоть, смотрела на своих детей. Они так криво спали, особенно дочь, совсем рядышком, маленькая и понимающая, прижалась даже во сне к матери. Старший — крупный парень семнадцати лет, с отличием заканчивающий строительный техникум, практичный и пробивной, а вот второй — мечтатель и поэт, пугает мать неприспособленностью к возможным казусам жизни. Ему только тринадцать, может быть, это и пройдет...

Да, Айгерим так хотелось детей, все-таки у нее хватало терпения, стремления и воли продолжить в них род любимого человека...

Она знала любовь и знала счастье, которое не могло продолжаться долго, и судьба оставила вторую половину жизни для воспоминаний, размышлений, возмездия...

Разве справедливость не торжествует без жертв? Что будет, если для божьей правды, положенной и отпущенной вместе с рождением каждому созданию, приносились бы жертвы дома и в обществе... Не стало одного — отравлена жизнь всех. А без этого сознания как можно было жить и радоваться плодам долгого и кропотливого труда?! Не стало трехсот человек в результате кровопролития — отравлено сознание тысяч людей на долгие времена... «Залимдики — момунга» — испокон веков за злодеяния жестокосердных отвечали ни в чем не повинные люди.

Так незаметно углублялась Айгерим в свои воспоминания, мучительно размышляла... Но вот проснулась дочка и, крепко обняв мать, сказала: «Мама, во сне по огромному полю мы с Наргизой бегали за бабочкой. Так было красиво... В следующее лето будем гулять по полям, как раньше, да, мама?... Все мы будем гулять — Бурхан ака, Жумагуль эже, Манас с Бакытом,

дядя Ибрагим с тетей Сабирой, Наргизой, Фархадом. Воевать никому не дадут Горбачев и Масалиев...» Айгерим только и подумала, что Хрущева и Раззакова она никогда не смела обязывать к чему-то, тем более, она начала понимать их значение намного позже, чем ныне ее глазастая и курносая дочурка...

— Дай мира, судьба, для всех вас, — первой утренней молитвой была просьба матери...

ИЗ ЖИЗНИ РАЗВРАТНИКА

Ему было 47 лет. Высокий крупный мужчина, темный шатен с проседью. Узкие карие глаза с припухлыми отвисающими нижними веками глядели исподлобья. Каждую женщину он грубо рассматривал как самку, причем его не смущал ни слишком юный, ни слишком пожилой возраст, а уж своих дочерей он лелеял и пестовал. Они были дорогими дочками.

Человек, не умеющий лебезить для личной выгоды или карьеры, расстающийся без сожаления с любой, даже неплохой должностью, когда начинал чувствовать давление, не заводящий друзей из-за предосторожности и недоверчивости, он не помнил, когда стал неутомимым любовником. Здесь его эмоции были поистине неистощимы, он мог быть и рабом, и хозяином, и вдохновенным поэтом. Хотя у него не было ни голоса, ни слуха, он от ликования запевал... А на вид — сурьезный, сдержанный мужчина, даже несколько строгий, надменный. Ведь природная робость развеивалась с каждой новой победой в интимной жизни, перемалывалась в сознании, извращенном и хитром.

Но именно в эту его пору одна очень красивая женщина, два года тому назад выгнавшая своего загулявшего и запившего мужа, на его непристойные намеки однажды ответила:

— Я понимаю, почему Вас выгнала жена. Вам уже под пятьдесят, а вы живете один и никому не нужны... На Вашем месте я исходила бы рыданиями, а Вы не

соизволите даже посмотреть на свою рожу в зеркало... Фу, какая гадость! — брезгливо отстраняясь, словно к ее воздушной чистоте прилипли мерзкие слова, ушла, не попрощавшись.

— Назар, а Назар, как, понравилась она? — забежала хозяйка дома Саламат. — И что она так ринулась. Уже договорились, да? — игриво захихикала она.

Угрюмо вспотевший и навывлет пронзенный ненавистью и презрением прекрасных глаз, Назар как будто оглох и онемел...

— Замолчи, Саламат. Я на ногах не стою, потерял равновесие... Не смей к ней ходить. Она тебя выгонит и с треском, да еще что-нибудь нахлобучит на голову...

— Господи, что она, девица или святая какая, знаем ее. Вон ее муж и родичи рассказывают, что она только в Кыргызстане святая, а гуляет она на курортах Прибалтики или с миллионерами Андижана...

— Враки, — все смотрел Назар туда, куда ушла женщина. — Больше ни слова не потерплю, поняла? — угрожающе прошептал он и тихо побрел от дома родственницы к себе...

В самом деле, ушла почва из-под ног. Где-то в застывшей сердцевине души теснилось все, поднятое из самых глубин, не было лишь прежнего высокомерия и былой самоуверенности. Раньше-то всегда казалось, что рано или поздно будет по его желанию.

Целую неделю было страшно от того, что была произнесена правда. Очевидно, в нем и в самом деле есть некая закомплексованность, о которой впервые в лицо сказала эта женщина.

За долгие годы он, видимо, настолько увлекся, что забыл о том, что на свете есть совсем иной, непривычный тип женщин... Он вел счет своим изменам, видел измены вокруг, и, кажется, никогда не знал отказа... Значит, та среда, о которой он и не хотел ведать, все-таки существовала и она с ним не совместима?! Нет!

Назар определенно запутался... Восхищаясь своей мужской силой, он думал, что возьмет в жены самую гулящую, и с ним-то она уж перестанет гулять. В его понимании не было ничего предосудительного в таком варианте, честь и хвала ему, Мужчине, у которого нет проблем, который может подарить удовольствие сотням жаждущих женщин... Нет, он никого не обижал и не оставлял на своем пути женщин несчастными и страдающими. По аксиоме, принятой на вооружение, одинокие женщины тоже хотят мужчин и ничего не случится, если замужние с ними поделаются. А у замужних — назойливых и недовольных — найдутся свои проблемы. Их мужья — дистрофики, пьяницы и гулены на стороне, не уделяющие внимания не то, что жене, а и своему питанию... Назар же с юных лет поглощает казы — конскую колбасу, всегда в его меню мясные блюда и водки он не пьет никогда... Но вот почему он своей жене был в тягость? И вот четыре года хочет ей назло жениться на какой-нибудь необыкновенной женщине? Он похвалялся перед женой, что не волочился за каждой юбкой, как дешевые ухажеры, а выбирал одну красотку года на два-три. Благодарил своих избранниц за жаркие ночи любви, за предпочтение перед соперниками, не считал всего добра, которым одаривал любовниц, отрывал это добро от дома, от детей, а все-таки жениться ни на одной из своих красавиц он не хотел.

Любовь не требует ничего, когда она есть, как бы нет вопросов быта, денег. В этой игре важны только постоянная готовность, чистота постели, хорошая еда, кровь, воспаленная от сознания обладания. И всегда — такая горячка, как будто завтра наступает конец связи, конец света. Любовницы всегда злорадевают над женами, показывая изысканность своего беля и утонченность манер, демонстрируя свои способности ухаживать за мужчиной. И, как свидетельство

вал Назар, все его любовницы, «богатые» до него и после него, к сорока годам становились примерными женами, усердными матерями...

Случалось и так, что где-то в гостях сидел Назар за одним столом с мужем-рогоносцем и считал, что совесть чиста. Намного хуже было тем рогоносцам-руководителям, жены которых продвигали любовников на должности, и когда любовник в один прекрасный день становился сильнее мужа, наступала трагедия. Любовник уже не признавал обольщенную женщину, а о ней, ее теле, умении отдаваться, экстазе рассказывал если и не принародно, то все же так, что становилось известно всем, кроме дураля-мужа. Муж тоже, разумеется, изменял, но не мог же он предполагать, что кроткая женушка, и провожающая его и встречающая, может обмануть, меж тем, и мягкая обходительность, и страстные поцелуи были, кажется, лишь попыткой что-то наверстать после ухода излишне торопливого любовника... Суммируя и личный опыт и исповеди преуспевающих любовников, Назар не ведал сомнений и все же не принимал в компанию тех, которые, лишив девушек чести, затыкали им рты дорогими подарками, а были и такие, что всучив какому-нибудь бедолаге с десятком-полтора сторублевок, убеждали жениться на испорченной девушке... Многие же так разгулялись, что стали грозой и бичом почтенных домов... А ведь и Назар мог выдвинуться по службе, если бы не тот случай. У него работала очень красивая племянница, на которую как-то на собрании «глаз положил» первый секретарь райкома. На другой день «первый» пригласил ту девушку принести ему отчет... через Назара, который сразу понял, в чем дело... Дня два он находил отговорки, на третий день разъяренный первый секретарь приехал в контору и велел Назару привести девушку в свой кабинет. Назар отказался. А когда — «первый»

вознамерился ее из-за рабочего места выволочь сам, Назар побелел и словно бы потеряв разум, схватил «первого» за шкирку...

— Я тебя посажу, отправлю в психушку, — загремел в угрозах «первый».

— Ты на моей земле угрожаешь мне, мы тебя уючим на месте, чихать я! хотел на твои должности... Завтра я принесу партбилет, негодяй. Не хочу быть с тобой в одном ряду, — хрипел Назар.

— Сказал бы, что она твоя, — прошептал первый, успокаиваясь.

— Осел, она мне дочь, племянница, — только и сказал Назар.

Но Назара все-таки исключили из партии за «аморальное поведение», хотя он сам наутро отнес партбилет.

Тогда он уехал в Сусамыр, взяв свою семью и одну покую, овдовевшую сестру с единственной дочерью... Время шло.

И так бы он и продолжал делать свою негласную устную «диссертацию» о типах любовниц по их сексуальной привлекательности, по их деталям, если бы на осечка... Если бы не такое внезапное неподдельное отвращение незнакомой красавицы... к нему... И вот впервые он задумался о жене, детях, не ища самооправдания... Подумал, что все-таки надо жениться... Надо ли?! 11 лет из 31 года супружества он лишь числился в мужьях... Воспоминания становились отвратительными.

В этот день один их коллега всех пригласил на юбилей отца в Карагой.

Вольная воля, счастливая праздность, красота изумительной земли, горы, реки и тут же недалеко аил, где происходило торжество, все лишь усилило грусть Назара... И, кажется, душу выворачивало от стыда и отвращения... «Эту женщину бог послал, чтобы покарать меня за былое», — думал Назар. Удивив всех си-

дящих за длинным столом в урюковом саду, Назар поднялся и отошел к реке.

— С ним что-то происходит, — сказали коллеги и тут же подключились к общему веселью. Назар ведь не пил и их нынешнего настроения сейчас раздельно не мог, хотя парень он очень компанейский...

Назар постоял, оглядывая окрестные виды и подсел к реке. По речной глади вдруг поплыли корки дынь и арбузов.

— Где-то резвятся гады. Бага не боятся, — рассердился Назар.

Перебирая причудливые, сглаженные водой вековые камушки, Назар думал о том, что нужно до конца поделиться с женой. Их жизнь — нескончаемая книга взаимных укоров и упреков... Предложить руку и сердце другой — согласится ли она? Подспудно, подсознательно он мечтал о гордой красавице. Все при ней — природа, создавая ее, не ленилась, но и душа — прямая, бесхитростная... И порок она презирает истинно... Его душа и сердце давно уже тосковали по каждодневной правде и жаждали искренности, находящейся рядом. Но именно эта девушка, напомнив ему так безжалостно о возрасте, заставляет торопиться. Назар от обилия чувств расплакался. Полюбив впервые, он призвал духов праотцов: Алдаяра-ажы, ушедшего в семидесятилетнем возрасте в Мекку и умершего там у святого порога, и того Эшимбека, который от главной реки проложил канал и по обычаю, зарезав у нового русла огромного черного барана, дал название аилу Кара-Кочкор, призвал их помочь блудному сыну... Впервые очень серьезно задумался и о своей жене Карачач, лишь сейчас понял, как ее истерзал... Его откровенные изречения, brave демонстрации фотографий любовниц сначала вызывали в ней ревность, слезы, истерики, потом — ненависть и презрение, а потом — и полнейшее равнодушие к нему, желание освободиться от этой не

нужной тягости... Теперь, как видно, пришла пора уза конить это столь долгое отчуждение.

— Ах, дед, дед, что же Вы наделали? — думал Назар. В 1950 году Назару было шестнадцать лет, а его наречённой невесте Карачач — девятнадцать, и заканчивала она первый курс педагогического института (физмат). Отец ее — революционер, прославившийся мужеством в борьбе с басмачами, председатель райисполкома, и, конечно, он был одним из первых, кто решил дать образование дочерям... Старшая заканчивала университет, наотрез отказалась выходить замуж за родительского избранника, вышла за любимого, и так же советовала поступить своей младшей сестре. Отец же, прослышав о некоем юноше, ухаживавшем за младшей дочерью, как вихрь примчался в Ош, под дулом пистолета привез дочь в аил и тут же справили свадьбу с Назаром. Для обеих сторон родство считалось престижным: с одной стороны — большое начальство, с другой — преуспевающий лекарь и зажиточный глава рода, со двора которого по обычаю в день каждого праздника откочевывало что-то большое и существенное ко двору шефа советской власти.

Назар с годовалого возраста был усыновлен дедом по матери и его второй женой. Она не родила и всю душу отдавала внуку. Никто не видел, что была ему, неродной. Они растили его для долгой и здоровой жизни, платя рубль за каждый лишний кусок казы или горсть плова. А теперь Назар должен был обрадовать их ранними правнуками. Он оставил школу, она — институт. Полгода он только утомлял жену, летом они поступили в педучилище. Закончили его, вернулись в свой аил. Назар стал неплохим хозяином и отцом. У них было уже два ребенка, ждали третьего. Бабка души не чаяла во внучатой снохе. Сама растила детей, парила ручки и личико Карачач, чтобы она оставалась

такой же холеной, какой была в своем доме. Умная сердечная старушка провожала сноху в гости к подругам, которые проводили свой досуг, собираясь друг у друга по очереди, где они могли повеселиться, поплакать, поделиться и посплетничать. Когда настала очередь Карачач принимать гостей, бабка укладывала ее спать пораньше, сама готовила, а уж когда подросли девочки, они стали помощницами. Так и не стала Карачач рьяной хозяйкой, хватающей на лету, собирающей, копящей и готовящей изысканные блюда... Легче и быстрее дело спорилось у Назара.

Дети рождались каждые два года, и здоровье Карачач ослабевало от этого. Здоровый жеребец не мог понять, когда Карачач гнала мужа, чтобы не стерг его подол, он ярился и в злобе задумывал мстить, не слишком заботясь о приличиях и обычаях. Карачач же, видя участь других снох в других домах, покорилась своей доле и обрела бесконечную благодарность свекрови. Назар же, созерцая редкий женский союз, не мог и думать о разводе: бабушка любила Карачач и была стара для знакомства с новой женой, а могла бы и не принять...

Назар очно проучился в институте — пять лет семьи, по существу, не было.

После смерти бабушки о Назаре никто не беспокоился, никто его не ждал, для его натуры, привыкшей к заботе и своей нужности в доме, это было катастрофой. И он понял, что Карачач в глубине души всегда им пренебрегала, не прощала своей сломанной жизни и преданной любви; покорно исполняла супружеские обязанности, а все эти ревности — было то, что выходило наружу. Это была тайная горечь, но ни в коей мере не страх потерять Назара.

Любовь же он встретил в 47 лет. Не мог себе представить, что бывают такие страдания, будто бы надо было удерживать внутри предсмертные судороги. И вот

уже полгода прошло, а он все не смеет ничего внятно го произнести, даже ее имени... Речка поет — ей хорошо, она плетётся, течёт и поёт, неуловима, бессмертна, не кончится ее песня, а вот Назару надо торопиться...

Через неделю Назар пригласил свою мать, с которой больше стал общаться после смерти бабушки, своих родичей, жену и детей.

— Я был очень плохим мужем, прости, Карачач, но не наша вина, что нас обоих сделали несчастливymi. Ты не была сварливой, не занималась сплетнями и кляузами, не знала зависти и лжи. Но, видно, для жизни этого мало. Я полюбил женщину, которая меня презирает, мною брезгует и избегает меня. И поделом! Должны быть какие-то весы справедливости во всем. Но я не могу жить без нее. Детей я устроил, выучил, двум младшим всегда буду помогать. Дом вам построил, и, если согласны, выделите мне комнату, чтобы я мог приезжать, навещать детей. Скотина и все здесь — ваше. Разведемся, Карачач!

Среди родичей началось невероятное. Они стыдили, ругали, призывали.

Тем не менее, Карачач сразу согласилась, и через два месяца суд их развел...

Назар уже знал детский сад, куда красивая женщина водила дочку, знал, по какой дороге идет на работу. Полгода он провожал ее, следуя поодаль... Назар не находил себе места. Религиозный и вместе с тем суеверный, он считал, что если он на Новый год не окажется в ее доме, то ее уж не видать.

Шел снег, и с десяти часов вечера до часу ночи Назар, прячась за мохнатыми снежными деревьями, смотрел на окна любимой и теперь был уверен в ее милосердии и снисходительности. Потом пошел к себе домой и проспал до полудня первого января. Разбудила его подвыпившая Саламат, крикливая родственница,

вечная поставщица женщин. И на этот раз с тем же предложением. Сегодня она заставила его хорошо одеться, сказав, что есть вдова, педагог Буажар с единственной дочкой. Уж эта-то вдова его, Назаровы, достоинство оценит. Не то что та воображала. Тем более, та еще с мужем сойтись может...

— Тебе никогда Карачач не была парой, теперь хоть поживешь на славу. Буажар на руках носить тебя будет. Пить не пьешь, деньги есть. Мужского тебе не занимать. А то распустил нюни. Да кто она такая?! Мужем брошенная, а все продолжает на шею вешаться ему. А он, счастливый и довольный, живет себе припеваючи — ни она, ни дети ее поганцу не нужны... Видать, надоела хуже горькой редьки, если двадцать лет не в счет...

— Бога ты не боишься, Саламат. Что ты от меня хочешь? Я не был парой Карачач, я не пара и этой красавице. К ней не то, что грязными словами, грязными мыслями нельзя прикасаться. А муж-то ее как счастлив с этой уличной девкой, знаем. Такую мне ты предлагаешь сейчас? Я до тебя знал ее. Ходил к ней, но ничто не шевельнулось во мне, чтобы хоть лживый комплимент ей сказать... Так что эту учительницу, вдову, врача, как ты ее назвала? — Буажар? — предложи кому-то... И не хочу я, чтобы меня на руках носили. А про мужа моей красавицы не сочиняй... Это же — петух, все, близко знавшие его, говорят, что он петух — все будет кукарекать, хорохориться и хвастать, даже когда смерть придет. Он прекрасно знает, что все бабы, которые были у него, и эта нынешняя шлюха, и пальца жены его не стоят, но он будет повторять то, чему давно никто не верит... И я женюсь только на ней...

— Ну и дурак... Поплачь, в ногах поползай, может, и пожалует, — протрезвела негодующая Саламат...

— Когда ты со слюнками описывала мне ее — была другого мнения. Что случилось? Что тебя отталкивает

в ней? Ты, видно, не знала любви, в тебе говорит зависть... А с мужем она никогда не сойдется и на шею никому она не вешается... Я-то за полгода изучил ее образ жизни. А сегодня вечером иду делать предложение ей... Иначе — никогда...

— Очень надо ей обстирывать тебя... Она привыкла... — осеклась Саламат, взглянув в бледнеющее лицо Назара...

— Иди к своей Буажар... Ты не понимаешь, на что замахиваешься, — как можно спокойнее произнес он. — Она не будет стирать — я буду стирать, она не будет готовить — я буду готовить... Довольно я побывал просто мужчиной, а теперь хочу любить и сделать все, что бы она поверила мне, полюбила, после всего, что ей пришлось так незаслуженно, жестоко пережить. Лучше бы ты вместе со мной сходила к ней...

В этот день Назар и Саламат были в гостях. Звали хозяйку Айгерим.

Назар умолял глазами не торопить их с уходом. Айгерим же, каждый раз видя зрелого мужчину на своем пути, задумывалась. Уже потом сказала матери, что этот влюбленный мужчина, которому под пятьдесят, седьмой жених, значит, от бога, святой, — и засмеялась горько...

Первого января они пришли. Как становится подвдла стна снежная, мгlistая круговерть нагрившему из-за гор ветру далеких долин, так и ее душа покорилась не только силе обычая, природному такту известного гостеприимства, но и женской интуиции — и она, Айгерим, была проста, обходительна. Саламат не узнавала ее. Стол был по-праздничному богат, Айгерим отварила пельмени, принесла медовый торт...

Дома был созданный ею хрустальный, прозрачный порядок, тот, о котором бывший муж говорил, как о некоем ее маниакальном отклонении... А Назару это ужасно понравилось. Ведь до сих пор только любовни-

цы хвалились своей воображаемой чистотой, а здесь чистота была настоящая, каждодневная, не для чужих глаз, для себя и навсегда... Нет, он уйдет отсюда только с ее согласием на его предложение, и... он молча положил перед ней свидетельство о расторжении брака.

Саламат молчала.

Молчала и Айгерим.

Назар ждал.

— Я не хотела бы об этом вести разговор, я просто не хочу замуж... Дети взрослые... Да и я за три года многое в жизни пересмотрела, переоценила... Не хочу оскорблять вас, но я не верю вам... Я не забыла первый миг нашего неприятного знакомства, — тихо сказала Айгерим... — И...

Вот этой непреклонности и боялся Назар.

— Если ты не выйдешь за меня замуж, я считаю, что смысла в моей жизни нет... Как ты сказала сама тогда — мне под пятьдесят. Я к тебе всей душой... Знаю все разговоры о тебе, знаю о случившемся, но я верю только глазам...

В марте по старому обычаю — с барашком, с угощениями, Назар, окруженный родичами, под руку с матерью, явился к родителям Айгерим в Ош.

После женитьбы Айгерим с Назаром переехали в Ош. Дочурка с первого же дня называла его отцом. Сыновья приняли его без лишних слов — так велели им родители Айгерим...

РАССКАЗЫ

МИНДАЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Все прозвучало неожиданно, и у Барчын опустились руки. Максат, ее ласковая дочурка, ткнулась на кухне в плечо матери и тихо спросила:

— Мамочка свою доченьку-лапочку выдаст замуж? Как проводит ее папочка?

— Когда ты перестанешь баловаться, ты ведь уже большая, — расставляя проворными руками тарелки для обеда, сказала мать.

— И я о том говорю, что мне уже девятнадцатый год, и Санжар мне сказал, что родители его придут в субботу по всем правилам наших обрядов, — большими глазами уставилась дочь на мать...

— Да ты что, доченька?! Маленькая моя, родная моя... Ты не знаешь, как ты мне досталась. И так сразу?! — Барчын тискала свою дочь в объятьях и жаром загоревшейся души обдавала волоски, личико своей Максат, которая никогда не видела слез матери. Просто от нее исходил жар, когда что-то начиналось тяжелое в доме, и папа говорил, что слезы, отпущенные человеку, мама выплакала все с самого своего рождения...

— Мама, я же буду рядом, хочешь, всем порядкам назло мы с Санжаром будем жить с вами? Я же младшая, хотя — девочка... Мама, почему ты их не любишь, ведь вы же были друзьями? Увидишь, что все будет хорошо, — пыталась Максат успокоить свою мать. — Мама, ты же говорила, что надеть белое свадебное пла-

тье — это счастье, а я хочу надеть сейчас... Ты же не ошиблась в папе, а я — твоя дочь... А может... может... ты не любила папу? — заигрывающий тон безобидной шутки Максат был воспринят матерью как удар под дых. Ее пальцы до боли сжали плечи дочери, по том резко отодвинули дочь. Барчын смерила ее с головы до ног чужим, холодным взглядом.

— Довари обед, скоро отец придет, — сухо сказала она и ушла в свою комнату.

Максат этого не ожидала, уже корила себя за неуместные слова свои.

— Ох, какова мама, — суежилась она около плиты.

Вскоре Максат, приготовив все, незаметно ушла из дома на консультацию в техникум.

Барчын прилегла в спальне, хотела, чтобы прошло головокружение и сердце немного поутихло... Максат — «цель, мечта» — дочка-спасительница, дочка, рожденная на границе терзаний, сомнений, бедствий... Вся жизнь прожита, исполосована, может, она потому и называется жизнью? Кого ни возьми — у каждого свои беды и радости, а смысл жизни за три дня до смерти было дано постичь лишь Беруни, за что он на последнем дыхании просил бога простить.

Голова Барчын набухла. Нет, голова ее не болела, а была наполнена чем-то легким, переполнявшим сосуды, виски, и, не прерываясь, затуманивало, сковывало ход мыслей.

Месяца три назад Назира, сноха, радующаяся до беспамятства, позвонила и сообщила, что в их доме Максат познакомилась с Санжаром, сыном ее дяди, то есть с ее прекрасным двоюродным братом.

Хотя моментально заложило уши, но Барчын старалась успокоиться, уговаривая себя не придумывать исход и не фантазировать необоснованных тревог. Нет, она в ранней молодости уже была отучена просто по доброму мечтать, но то, чего она боялась и представить,

тут же становилось ее окружением, бытом и самой жизнью... И теперь Санжар — сын Бақыта входил навсегда в ее жизнь... По какому праву? Для чего вообще ее создавал бог, если она не имела права ни на что: родители, родных не было, друзей ей некогда было иметь, муж был нездоров, потому у сыновей не было детства, а теперь судьба Максат, этой выпрошенной, выпестованной малютки, строилась так, чтобы быть вечным упреком самому дорогому человеку... Нет, нет, нет... А по чему — нет? Разве она, Барчын, не вынесла ад, что бы только быть рядом с любимым человеком? А Максат любит тоже, она сейчас точно такая же, какой была Барчын в ее годы...

— Нет, все правильно... Будет решать один Равшан. А Максат я растила для правды и пусть она по зову моей крови повторит только правду моей жизни... Скажу ей, что любят только раз. Жизнь женщины как неприхотливые миндалевые цветы... На короткий срок ее каждая дневность украшается любовью. И надо терпеливо ждать плодов от этих цветов, а не мчаться за лепестками и мгновенной красотой... Весна жизни — молодость и цветение, ими определяется вся остальная жизнь... Важно сейчас не надломиться, не разочароваться, не опустошить душу и сердце... А Максат так беззащитна перед грубостью и ложью... Если бы можно было избирать личную судьбу как подруг... Разве Барчын жалует о своей судьбе с Равшаном? — рассуждая, задавала себе вопрос Барчын.

Пришла Барчын в дом, где было семеро сыновей. Свекровь особо почитала старшего сына Равшана, мужа Барчын. Сухонькая, суетливая свекровь с кряжистыми огрубевшими руками недовольно глядела на белолицую, длинноносую сноху, которая все делала вприпрыжку, с улыбающимся лицом... Она улыбалась растерянно даже тогда, когда свекровь при снохе говорила со сядям и родичам:

— Не повезло Равшану. Ветер в голове. Только и моет окна да полы, а чай толком заварить не может... Нет, я их разведу...

Только плакала Барчын на груди своего Равшана, что хотела бы она видеть в свекрови мать, которой она не знала, но которую представляла... Иногда Равшан обвязывался ее косами и шуточно собирался побить за позор на весь аил.

— Научусь, милый, — шептала она, и он одаривал ее поцелуями.

— На одной картошке проживу с тобой, — обещал Равшан своей жене.

— Научусь, — твердила Барчын и внимательно смотрела, как ловко выделывает свекровь лепешки, кесме, каттаму. Свекровь говорила:

— И как ты окрутила моего сына? Ведь бабский доктор — хитрости знаешь. Первая сноха — и неудача... Без роду, без племени...

Не выдержал этих слов случайно вошедший Равшан:

— Не думал, мать, что ты такая жестокая и коварная... Ты ли моя мать? Что она тебе сделала?

— Ах, она еще и жалуется... Можешь не жить в моем доме... Околдовала же она тебя...

— Можем и не жить... С каким трудом мы выучились, ждали этот день, чтобы быть рядом с тобой... Если я, будучи студентом, умудрялся помогать тебе и братьям, то это она кормила и одевала нас, работая санитаркой... Интересно знать, какую бы ты свадьбу отгрохала нам?! Я сам знаю нравственность моей жены... Ее родители были учеными докторами, остались под снежным обвалом по пути на похороны... Смотри, мать, как бы тебя сильно не наказал бог, — не успокаивался Равшан.

— Не гневи бога! Можешь жить, где хочешь... Ты попрекаешь меня своей помощью? Это она нажужжала...

— Ты доходишь до верха несправедливости, мать, только не знаю, в чем причина... Не думал, что матери придется не по душе счастье сына, — сник Равшан.

Так они оказались в шахтерском городке, хотя поначалу предполагалось работать где угодно, лишь бы быть ближе к родным, а специальность могла и подождать. Теперь же Равшан работал на шахте, Барчын в роддоме. Родились два сына — Марат и Жомарт. Получили квартиру. Радовались каждой купленной новой вещице... Им было слишком хорошо вчетвером, лишь набегала тень от натянутых холодных отношений с родственниками мужа.

— И что бы маме не приехать, не пожить с внуками, не побарахтаться в ванне? — грустила Барчын. Равшан переживал молча.

Проходили годы. Жизнь брала свое. Равшан не переставал исполнять свой долг перед братьями. Поддерживал, когда они учились, когда женились, да и мать с годами все больше сравнивала Барчын с другими своими снохами и тяжело корила себя за злой язык...

Если бы можно было предположить, что, справедливо желая отрезать свою мать, Равшан тем памятным разговором позвал горе на свою голову. Неожиданно огромная глыба породы обвалилась на головы пятерых человек, и в последний миг они чудом или инстинктом были отброшены всего на полметра, а Равшан — на несколько сантиметров.

Те минуты отпечатались на семье на всю жизнь: Равшан остался без ног. Вот тут-то прибежала вся родня, вот тут-то и заголосила мать о божьем наказании за издевательство над невинной душой.

— Ну почему не она без ног, а молодой и прекрасный её сын — калека? — спрашивала кого-то мать...

Барчын застыла в своем горе, внутри все сжалось в комок. Неуязвимый панцирь обреченной готовности пре-

терпеть при необходимости и многое другое сделал ее облик колючим и невыразительным. Слез не было. Но ее муж не мог смириться с долей инвалида; независимый и самостоятельный во всем и всегда, сейчас он был угнетен и унижен своим несчастьем так, что не видел несчастья своей семьи. Три года шла борьба за установление эмоционального здоровья. Барчын отпросила на год старшего сына из школы, на второй год — младшего. За Равшаном нужен был присмотр. Барчын работала и подрабатывала, где только могла, лишь бы сгладить нужду дома. Принимала роды, оперировала, мыла полы и вязала для продажи... О, сколько раз она срывала свое горе на глазастых мальчишках, которые отвыкли от игр в 13 и 10 лет! (Барчын и сейчас болью сдавило сожаление).

Однажды Барчын долго стирала; от недосыпания, усталости и шума воды она будто оцепенела и не слышала, как муж несколько раз позвал ее. Оказывается, Марат ушел за хлебом, а Жомарт пошел выносить мусор. И скорее сердцем, чем слухом, она услышала жуткие рыдания мужа и когда она прибежала к нему, хотела ему помочь, он, схватив ее за волосы, начал кричать:

— Я не должен был жениться на тебе... Ты — проклятая богом, сначала съела своих родителей, а меня сразу не удалось, теперь доедаешь!..

Вдруг детский крик, смешанный с плачем, разорвал воздух вокруг нее, который был оглушен невыносимыми обвинениями мужа:

— Неблагодарная тварь, ненавижу тебя... Что мы тебе сделали? Что ты распускаешь руки? Посмотри на маму, что ты с ней сделал? Отлеживаешься, весь свет виноват перед тобой... Вон у Алмаза отец тоже без ног, на протезах кормит своих детей... А тебе понравилось, чтобы мама работала на десяти работах... Не смей ее трогать, — плакал и без

передышки обвинял отца Марат, а Жомарт прибежал, бросился к отцу и, обняв его, содрогался от плача.

Барчын приходила в себя.

Потом они трое, прижавшись друг к другу, сидели в гостинице. Недостиранное белье лежало в ванной.

— Дети, сведите отца в туалет; — попросила Барчын.

Видя, что дети молчат, сказала:

— Ему очень трудно, дети... А если бы его не стало тогда или не станет его сейчас... — Дети быстро пошли к отцу...

Да, все было, но в одном пальто, в одном платье и рубашке они выстояли.

...Прошло еще два года. Равшан привык к своим протезам, работал в горном техникуме. Дети были взрослыми. И совсем неожиданно (по целеустремленному наущению матери) к 40-летию Равшана мать и братья подарили «Москвич».

— Ты выродила как доктор и выходила как ребенка своего мужа, ты вынесла много — дочь хороших родителей... — плакала мать.

Да, сильные люди могут выносить невероятные испытания, могут жить, надеяться и делать счастливыми близких людей. До того дня, когда Равшан поверил в себя, Барчын забыла, что есть люди злые, что бывает дождь, снег, солнце, весна, всё это ушло в глубину, а в сознании был Равшан, сникший и обвиняющий себя в тяготах семьи, и он должен видеть, что его любят...

Наедине же Барчын сгибалась, казалось, каждая косточка в каждой точке ее тела была надломлена, и что вся она состояла лишь из усталости, созерцания и автоматических действий... Равшан иногда из спальни рассматривал в зеркале прихожей, как Барчын на кухне месила тесто или резала что-то проворными руками. Эти ее руки выдержали все, но глаза ее погасли и плот

но сжатые губы разучились за эти две тысячи дней улыбаться...

— Эх, Барчын, Барчын! За что же жизнь так наказала нас? — спрашивал он.

Хорошие мальчики растут у них, Марат уже закончил школу, от детей — все доброе и человеческое в жизни. Марат своим упреком, а Жомарт верностью вызвали отца из плена самоуничтожения. И такие мальчики могли родиться от него только у Барчын. От другой женщины по воле судьбы тоже могли родиться дети, но благодарение судьбе Равшан говорил только за Барчын, за встречу с ней, за неповторимых детей, унаследовавших ее доброту, волю, любовь и верность. Барчын, хотя была на шесть лет младше его, оказалась более зрелой и природно подготовленной к жизненным тяготам, и ее безобидная улыбка на зло, так обманчиво действующая на родичей и знакомых, это, оказывается, исходило от мудрости, неосознаваемой даже ею самой, а отпущенной богом на долгую жизнь... Так рассуждал Равшан о своей жене... Но случился один миг или момент, когда Равшан смертельно испугался.

Приехала свекровь и сказала, что собирается женить самого младшего брата Равшана, Романа, и ей нужно во всем посоветоваться со старшими своими детьми.

— Мама, неужели Роман жених? — недоверчиво улыбаясь промчавшемуся времени, Барчын села на стул...

— Да, моя хорошая, это благодаря вам Роману могу и свадьбу сделать, а вы все сами...

— Что вы, мама, мы всегда были вместе, горе выстояли... Теперь все будет хорошо... Что же мне подарить им на свадьбу? Ведь эта свадьба у вас последняя, а там уже свадьбы внуков пойдут, — размечталась Барчын...

— Доживу ли, — заговорила старушка... Дай-то бог... Но на этой свадьбе ты будешь на правах старшей...

Ведь я умру, а ты не дашь шестерым по шести дорогам уйти от родительского порога, у них останется одна дорога в наш дом... Я в тебя верю. Сына ты мне вернула и опору братьям... Прости меня, дочь, за все... Не будь моего языка, может не было бы этой беды... Это бог меня покарал, показал кто ты... Но я и без того уже знала, что счастлив мой сын... Сколько ночей я лила слезы и терзала себя, вынудила вас уехать от себя... Мы — народ темный, порой доходим до подлой зависти и не знаем причин... Я-то верила родичам, которые только и говорили недоброе о тебе. Хоть перед смертью у меня хватило духу попросить прощения у тебя... — и безудержно плакала старая женщина, мать.

— Мама, мама, не надо плакать, не надо корить себя, ведь сейчас все хорошо... И не надо смерти сейчас... Что вы видели в этой жизни? В тридцать лет овдовели, нехватки, лишения, болезни семерых мальчишек, а потом — Равшан. Теперь надо жить, мама, — горячо успокаивала Барчын, а свекровь заплакала еще пуще, и только приход Равшана с детьми успокоил ее. Она стала быстро вытирать глаза, и Барчын проводила ее в ванную...

Свадьба была многолюдной и по-осеннему богатой: колхоз выполнил все показатели и люди были довольны. И еще, впервые Равшан такое дальнее расстояние проехал сам за рулем, не уступая Марату.

Роман сидел по-взрослому задумчивый и скромный и пропускал шутки друзей, ведущих свадьбу и играющих в оркестре, иногда поощряюще поднимал руку, такую же сильную, как у Равшана. Его невеста, Назира, милая, белолицая, больше всего понравилась Барчын смущенным взглядом. Ее личико подходило под белое платье. Ее национальная фата трепегала от ветра тополя.

— Сейчас свое слово скажет моя Барчын, — сказала свекровь, отодвинув ведущего парня, все засмеялись над тем, как уверенно схватила старомодная байбиче микрофон.

— Берегись, Назира, все в твоей жизни зависит, как примет тебя самая старшая Барчын джене, — продолжил ведущий шутливым тоном.

Барчын, не ожидавшая такого скорого представления, на миг привстала, потом села, потом, встав, пошла...

— Назира, Роман, всегда помните сегодняшний день. Он всегда вам будет помогать, — высказала Барчын то, что лежало под пластом прошедших лет. — Любовь приходит в жизни только раз, берегите ее. — Потом взглянув на тополя вокруг, упирившиеся в небо, Барчын добавила: — Крепкий двор. Сюда приходят навсегда.

Все захлопали, и грянула музыка, а ведущий попросил отпустить Барчын джене только после танца. И Барчын, как когда-то, пустилась с улыбкой в пляс.

Когда увязался за ней какой-то толстый тип, Барчын не заметила, но он непристойно начал нашептывать, а она как хозяйка дома пыталась не портить всеобщего веселья, но когда он начал увлекать ее из круга танцующих, пьяно дыша в лицо: — Пошли, куда потемнее, ведь калека, — Барчын не заметила, как она ухватилась за его волосы, не заметила, как три брата Равшана оказались около них, и протрезвевший гость пролепетал:

— Простите сваты, я был неосторожен, — и пошел прочь.

Что-то успокаивающе говорили братья, но Барчын мелко дрожала и сквозь танцующих она увидела Равшана, смотревшего в ее сторону, и тихо пошла к нему. Вроде все осталось незамеченным. Свадьба продолжалась.

Равшан признательно взглянул на подошедшую же ну, рядом с ним сидел незнакомый мужчина, который

явно волновался. У Барчын все еще мелко дрожали пальцы.

— Барчын, знакомься. Бакыт — дядя Назиры, врач. Моя жена, тоже врач, — не торопясь представил же не нового свата Равшан.

— Извините, пожалуйста, Барчын, это — наш слу чайный гость, мы оказались не на высоте. Извините, пожалуйста, — терялся новый родственник.

Братья заботились, чтобы сгладить неприятный инцидент: музыка, песни и танцы продолжались.

Назира и Роман, опустив головы, тихо переговаривались. Барчын, движимая внутренним голосом, примирительно смотрела на Бакыта, довольно красивого мужчину с крупными чертами лица.

— Успокойтесь, ради бога. Сегодняшняя наша тема — приобщиться к счастью молодых так, чтобы действительно это счастье было и не омрачалось с первых минут.

— Барчын, мне надо отдохнуть, — сказал Равшан, и Барчын с готовностью встала.

— Вы уже уходите, — растерянно встал и Бакыт.

— Ухожу только я, Барчын сегодня нельзя уходить, — с просьбой взглянул на жену Равшан.

Подбежала и мать.

— Дети, что с вами? — засуетилась она с тревогой.

— Мама, все хорошо, я пойду, немного отдохну, а Барчын со сватом Бакытом потанцует, — улыбаясь, успокаивал мать Равшан.

— Равшан, — начала было жена, но он тихо ответил:

— Другие-то гости не виноваты...

И Барчын застыла: ее муж успел перебороть раящее чувство неполноценности, и мигмом пронесли, захлестнув сознание, прошедшие годы. И так некстати побежали непрощенные слезы. Равшан быстро увлек жену к дому:

— Ты сегодня такая красивая, не плачь... Я все вижу и понимаю. Тебе надо вернуться... Назира сидит, как в воду опущенная, и Романа жаль. Да и Бакыт, по моему, неплохой мужик... Никто ничего не заметил, кроме нас, хозяев и сватов...

— Пойду, пойду, — шептала Барчын и текли новые слезы... Она уложила мужа и посидела рядом. Откуда-то прибежали сыновья и, взглянув на родителей, снова умчались танцевать. Равшан сжал руку жены и тихо попросил:

— Иди, умница моя, я отдохну, — и Барчын пошла. Роман с Назирой чуть приободрились, а Бакыт благодарно привстал, пододвигая стул Барчын. Иногда они перекидывались из приличия некоторыми фразами, но их настроение никак не коснулось настроения гостей...

Так прошла эта свадьба.

В многодетных семьях по-особому устанавливается тип отношений: кого-то принимают за главного, а остальные — на равных, хотя самого младшего жалеют больше. Здесь главными были признаны Равшан и Барчын, ибо они помогали всем и в беде выстояли и победили. И сейчас Барчын по старым обрядам пригласила молодых: так велось исстари — свадьба-свадьбой, а последующее приглашение молодых говорило о признании их семейных прав в доме пригласивших.

Все четверо готовились к приему гостей и они прибыли с матерью. Роман был удивлен, что сейчас он принят как взрослый человек, Назире понравился стол — сервировка, яства. Мать нахваливала дом главных ее детей.

— Каким был мальчишкой Роман, — продолжала Барчын простой разговор, — прятал мою пудру, полотенец, показывал мне язык, а вот когда разрезал мою юбку, я его поймала за печкой и налупила и все думала, когда мама придет...

— А я ему еще добавила, когда он начал жаловаться, — засмеялась мать.

Многое забавное еще вспомнили. На прощанье подали молодоженам костюмы на защиту и денег дали на билеты на самолет.

— Хоть бы скорее защита, а то не терпится костюмы одеть, — шутил Роман...

Так проводили младших членов семьи.

Потом приехали Бакыт с женой, которая желала познакомиться со сватами и извинялась, что из-за болезни маленького сына она не смогла приехать на свадьбу. Она была бледной, худой, с болезненным лицом, разговаривала, твердо разделяя слоги, и, кажется, слюнявила каждый слог. С ними был их маленький двухлетний Санжар.

Марат и Жомарт с удовольствием играли с маленьким гостем и говорил Жомарт:

— Такой пухленький, был бы и у нас такой котенок...

— Оставить его вам? — говорила Шекер, новая родственница.

Ко всем приезжают гости, но радушная Барчын тревожно ловила себя на том, что всей душой не желает после тяжелых родов, операций заставить в своем доме Бакыта с женой. Безудержное раздражение овладевало всем ее существом, не подчиняясь разуму и правилам хорошего тона... Однажды Бакыт пришел один и громко смеялся, сидя рядом с мужем.

— Барчын, Бакыт переведен к нам в город главным врачом города, — довольно сообщил Равшан.

Сердце Барчын сжалось, спрессовываемая обстоятельствами душа беду предчувствовала не зря.

После переезда в их город Бакыт с женой то и дело организовывали торжества, юбилеи, выезды на природу. У них были очень широкий круг знакомых, которые любили петь, танцевать, читать стихи... Равшану все это нравилось. Железная воля к исполнению долга за

толкала суть Барчын в четыре стены, где она терла, мыла, чистила, ограниченность в средствах буквально каballила ее вопросом, кого во что одеть и что из чего приготовить, а теперь она понемногу поднимала голову и выцветшие от невидимых слез глаза приобретали блеск от тревожно бьющегося сердца.

Бакыт неустанно следил за здоровьем Равшана. Не удержавшись, однажды Барчын прошипела:

— Вы бы лучше выходили свою жену, а здесь как-нибудь я сама...

— Вот это да! Когда я приезжал и смотрел, вы бы ли не против, а когда я оказался здесь — вы не скрываете своего неудовольствия... Вы гинеколог, я — невропатолог, разница есть... Зачем так смотрите? Вы меня гоните? Равшан, ваша жена меня гонит, — сказал Бакыт, но Равшан не отвлекся от громко включенного телевизора.

После ухода Бакыта Барчын начала месить тесто, как всегда, бездумно и быстро, это было заучено кончиками пальцев, но вдруг они стали двигаться тише, тише, потом неистово сжали мягкость теста и... Барчын заплакала.

— Ах, судьба, пощади меня... Зачем ты избрала этот путь кары? Я не тягалась с тобой и не пыталась ничего доказывать, я просто жила для детей, для дома... Я рождена не для предательства... Спаси меня, судьба... Ты никогда не была благосклонна ко мне, ты отнимала у меня все с детства, не отнимай у меня моего дома, мою любовь к Равшану и детям... Если что случится, я не смогу жить так, как обязана я прожить...

Через неделю Бакыт приехал посмотреть ремонт роддома и крепко пожал ей руку...

Барчын ушла к беседке, окруженной старыми карагачами и ивами... Цвели вишни и урюк... Дома на вопрос мужа, придуманный им в еще первые дни ее работы ги-

некологом, «Сколько ты сегодня родила?» — промолчала.

Через дня три, поздно вечером, Бакыт увидел ее на остановке и, резко затормозив, вышел и открыл дверцу, предлагая сесть. Оставшись наедине, она смолчала, когда он поехал совсем в другую сторону, хотя она понимала, что не в силах сейчас что-то сказать твердое и бесповоротное.

Да, один миг, один час жизни, чтобы перевернуть все... Сегодняшние наши поступки и отношения — это последняя точка на сегодняшнем отрезке прожитого и им подчас определяются долгие годы жизни...

— Это — предательство, — шептала она в ответ на его поцелуй.

— Вы богиня, — и в ней оживало давно забытое. Но в этот миг танцующие миндалевые лепестки и сочная желтизна луны вернули Барчын другое лицо... Но когда целовал ее он, здесь всегда цвел миндаль, а сейчас цветы осыпались, и ей почудилось, что ее Равшан в этот миг умирает... Ужас заставил ее в неступленном бегстве мчаться с мольбой у первой любви выпросить тебе прощение. Это был ужас человека, открытого и честного, который случайно хотел шагнуть туда, где нет ему места...

Глаза Равшана тяжело смотрели на нее.

Дети сидели на кухне и удивленно главели на мать...

Барчын долго умывалась.

Хотела по обыкновению заняться ужином, но он был готов.

Потом они остались вдвоем с мужем в своей комнате.

— Я понимаю тебя, Барчын, — тяжело заговорил Равшан. — Молодые твои годы прошли безрадостно. Долгое время я не мог уделять должного мужского внимания и заботы, но...

— Ты меня спас, Равшан. Это главное...

— Пойми, что я не выдержу...

— О чем ты говоришь, Равшан?...

— Буквально час назад мне показалось, что я умираю. Сердце зашло от боли... — задыхаясь, прошептал Равшан.

— Что ты говоришь, дорогой, любимый мой... Прости меня, прости... Я видела, как осыпался наш миндаль, и я побежала к тебе. Ты мне веришь? Я должна родить, Равшан. Должна родить девочку. Назовем ее Максат — она будет воплощением всего неосуществленного в нашей жизни... Я хочу родить, — плакала Барчын.

— Как родить? Ты думаешь о такой ноше?

— Дочку, дочку, — повторяла Барчын.

Так родилась эта девочка. Она росла здоровой и веселой. Горе братьев ее не коснулось.

Барчын взглянет на личико, губки, пальчики дочурки и представляет, какой она будет.

Выросла она — ее дочка — красивой, длиннокосой и доброй.

И помощницей маме она была с десяти лет.

Отец всю любовь, не отданную сыновьям, отдавал дочери. Когда она родилась, он был избавлен от жестоких сомнений — Максат была копией новорожденного Жомарта, которого он помнил очень хорошо (когда родился Марат, Равшан был в командировке).

Барчын всегда спала с дочерью и всегда она просыпалась среди ночи или под утро и включала ночник. И, как резонанс, открывало глазенки её чадо и, жизнерадостно улыбаясь, прижималось к матери, будто успокаивая, что оно всегда рядом... И вдруг ее отнимают от нее. Но ведь и от отца тоже... Санжар — сын Бакыта... Ее зять... Пусть все решит Равшан... И только муж...

Все было готово, и Барчын ждала его к обеду.

НЕРИНГА

На этот раз гроза была настоящей и шумной. Даже не верилось, что лишь час назад Айят с Адой загорали на полянке, окруженной сосновой рощей. Набежала вдруг шаловливая тучка и начала шкодливо накапывать. Небо вокруг изумленной голубизной наблюдало за проделками весеннего баловня и негласно покорилось давлению солидных массивных облаков, которые не выдержали сиротливой беззащитности облачка и отозвались на его призыв... Женщины едва успели забежать под крыльцо дома, где они прописаны были на время отдыха в пансионате «Прейла».

Хозяева, сидевшие за чаем, приветливо заулыбались, глядя на мокрых Айю и Аду, как они их называли, и по звали пить чай. Айят их называла Маритэ Юргесовна и Бронюс Казимирович или шуточно — Марит эже, Бронь ака, а Ада именовала хозяйку Мария Юрьевна, к хозяйку же не обращалась никак, хотя у литовцев не принято обращаться по имени, отчеству. Хозяева, доброжелательно принявшие трудолюбивых Айят и Аду, которые с первого часа, даже не договариваясь между собой, высказали хозяйке пожелание самостоятельно носить воду из колодца, мыть полы в комнате и в местах общего пользования, удивились, говоря об оплате, но искренность женщин подкупила, и они превратились в гостеприимных близких товарищей. А когда Айят попросила Маритэ Юргесовну спеть ее любимую песню и попросила продиктовать, а потом начала ей подпевать, и Ада сделала то же самое — все формальности, казенности бы-

ли стертые... И очень часто, наряду с другими песнями, звучали слова о березке, мелодия которой сильно нрави- лась Айят:

— Колюди, бержалес, колюди,

Камварвене шалтас ракас...

И сейчас сидевшие за чаем Маритэ Юргесовна и Бро нюс Казимирович улыбались и говорили неторопливо, с акцентом прибалтийским:

— У нас так, сов-с-е-ем маленький облака делают та кой дождь... Бистро... чай... Ванна чиста...

За окном, меж классических домов узкими полосами и трапециями, ходил в волнах залив...

— Ада, ты даже не прихорашивайся, как раз момент — комаров нет, пошли, хоть краем глаза на Балтику взглянем, — предложила Айят, заноса на кухню короб ку конфет. — А то неделя проходит — и каждый день сыростью пугаешь...

— Все успеем, не торопись, — произнесла Ада, при- чем «торопись» прозвучало как «торпысь». Она в разго воре то смягчала чрезмерно слова, то проглатывала це лый гласный звук на белорусский манер, к чему медлен но привыкала Айят.

Ада, сестра милосердия, с трудным военным детством, (детский дом) — отсюда готовность Ады все разделить, под- держать, умение слушать, понять и не заметить некото рую прорывающуюся резкость в Айят.

Узнав о прибытии Айят после стационарного лечения бронхопневмонии, Ада пожурела её, но когда услышала, что Айят рада этому бегству на крайний северо-запад страны, внимательно посмотрела в глаза и начала ле чить, предварительно взяв слово с южанки, что она будет послушна. Для начала они разорились на армянский коньяк, стоимостью в 21 рубль, взяли много яиц, а мед дала Маритэ Юргесовна, и доктор сделала ужасную бо лтушку, заставляя по три раза в день выпивать огром ную ложку снадобья. Лечила дыхание, утверждая, что

нет ничего лучше морского воздуха, настоящего на хвое, и измывалась над Айят вместе с комарами, загоняя в гущу сосновых рядов. Аду же комары избегали.

— Любишься на залив, сырость на дворе, да и обед скоро, — решительно заявила Ада.

— Кашля совсем нет. Воздух сейчас еще полезнее, сама же говорила, — не сдаваясь, просила Айят. — Маритэ Юргесовна, скажите, что здесь всего два кило метра и триста метров до моря... Нет, Ада, тебе не по нять истой горянки... Я хочу простор узреть, понимаешь? А то меня теснили горы, давили бугры.

— И всякого рода шишечки на ровном месте?! — про- должила Ада.

— Сама пойду, — заявила Айят.

— Я схожу, посмотрю огород и пойду, — сказала хо зяйка.

— Ай да молодец, Марит эже, — обрадовалась Айят.

— После обеда пойдем, только мой теплый жилет на денешь под франтовскую куртку свою, — согласилась Ада.

— Разве ты собиралась? — ущипнула Айят.

Обед и сегодня удивил их: за недельное пребывание меню ни разу не повторилось.

Перед домами благоухала разноцветная сирень, а черный тюльпан перед столовой пансионата был облюбо ван всеми отдыхающими. Через день был июнь. Здесь весна затягивалась. Шел дождь...

— Пярвалка, Прейла и Нида — три местечка — го род Неринга, — говорила на пути к морю Маритэ Юрге- совна. — В прошлом веке на песчаных дюнах Куршской косы начал постройки один почтмейстер. После него пе- сок много раз заносил жилища людей... А Неринга — это дочь Балтики, которая из сострадания к затонувшим рыбакам и лодкам, без сна и покоя, выносила песок со дна моря и сделала этот песчаный полуостров, косой разделив Балтику и Куршский залив... Когда это было,

никто не знает. У Бронюса есть фото этой косы в разные времена. Есть, как в 1939 году Гитлер по реке Дане (где вы сидели на пароме в Клайпедо) посетил центр Клайпедского края. Музей-аквариум на косе был построен немцами, как склады и убежища, а сейчас там целый океан... Вам надо посмотреть музей часов и музей янтаря, Клайпедо и Паланга — хорошие города. Посмотреть надо. Купите янтарные украшения — для здоровья... — растягивая слова, советовала Маритэ Юргесовна.

Айят и Ада слушали ее внимательно. Мимо них спокойно проходили лоси или пробегали зайцы.

— Этот большой лес на косе сажали наши деды, мы и наши дети. Земля настоящая, как золото, машина — пятьдесят рублей... Весь лес от ветров в одну сторону — пьяный, да? — улыбнулась маленькая, подвижная литовка... — Здесь и кабаны есть. Еще чуть-чуть и мы будем на берегу...

Ада посмотрела на Айят — она выглядела неплохо.

— Даже в такую погоду не угомонятся комары, — ответила на ее взгляд Айят, чтобы отвлечь доктора от своего дыхания.

Лес все редел и, наконец, открылось море... Море в шторме...

Айят побежала. Мокрый, крупный песок издавал хруст под ее ногами.

Айят до головокружения хотела охватить побольше дали, а неровность и фрегат откатывающихся и вновь прибегавших волн с обильной пеной были в унисон душевному состоянию Айят. Печаль, сомнения и решимость все изменить она не стала загонять в глубь души, и на ружу они вышли обильными слезами. Две женщины тихо разговаривали, а она уходила дальше, чтобы только шторм слушал ее плач... На память приходили многие обиды, но самыми горькими были обиды за разрушенный дом, жалость к детям, которые сейчас ждут ее.

Ведь ее ждут ее дети, озарило ее, и слезы так же прекратились быстро, как и появились... Она умылась мутной, соленой водой и пошла к спутницам...

После ужина Айят с Адой пошли по берегу залива, где было неисчислимое множество выплеснутых мертвых рыб... Прямо у пирса пристроилась серая цапля. Недалеко плавали три пары лебедей, потом чуть поодаль сел одиноко один черный лебедь... Совсем близко на мелкой ряби волн, будто бумажные игрушечные кораблики, покачивались чайки... Они пошли обратно...

— Черный лебедь без пары — это я, — тихо сказала Айят.

— Выдумываешь... Все будет хорошо — увидишь. Копаешься в себе, копаешься. Не надо. Если завтра погода будет хорошей, пойдем уже купаться... Две недели купаться, представляешь? Приедешь домой помолодевшей, похорошевшей. Родители, дети, подруги — ты такая богатая, пойми, — и Ада заплакала.

— Ты на десять лет моложе меня, ты не видела того, что видела я... Я делаю все, чтобы быть здоровой, чтобы мой сын не знал сиротской доли... Муж — неплохой отец, но мама — это мама! Помни об этом. В твоей жизни все должно сложиться. Уж мне поверь... Мы, детдомовские, от бога наделены видением других... Как наш хозяин плакал, говоря о фашистских пытках... То, что пережито ими — не надо забывать.

— Да, была война и смерть, одна судьба на всех, и была правда одна на всех — освобождение, перед смертью невозможно ни выслуживаться, ни притворяться. А на изломе чего сегодня можно проверить людские качества?

— Айят, я верю, что все равно человек станет таким, каким задумал его бог... Твой ли, мой ли, все равно... А бесконечно ему вытворять то, что ему заблагорассудится, ему не дадут делать ни природа, ни животные. Увидишь, и Чернобыль не простится. Когда-нибудь

все люди вынуждены будут просто стать людьми, если не захотят, чтобы они все исчезли с лица земли... Уж лучше петь свои песни и в них видеть отголоски других песен, любить свою землю и знать, что и другой так же любит другую землю, задуматься о старой притче про разжатую пятерню или кулак... Придет вера в возмездие за преданную любовь или растоптанное человеческое достоинство. Без Возрождения духа не может быть цивилизации. Мы с тобой — рядовые женщины, а мы не терпим уже многого — это же здорово! Сознание работает...

— Умница, Ада! От всей души говорю. Заслуженно тебя наградили путевкой в здравницу общества «Знание»... В кино пойдем?!

— Я рада прогрессу в твоем настроении, — ответила Ада.

Наутро погода была пригожей. Хозяева собирались в Шяуляй на юбилей родичей и наставляли, где, что при надобности взять. Ада с Айят тоже поехали в Клайпеду: не воспользоваться советами Маритэ Юргесовны было бы неуважительно.

В городе то и дело они встречали знакомые лица из их пансионата. Хотя Айят в некоторых подозревала своих земляков, но избегала их. Для души ей нужна была оторванность:

Проходили дни, и праздные, и насыщенные. Не пускали ни одной организованной экскурсионной поездки. Хотя Айят было трудно чем-то удивить, (будто она готовилась самые причудливые потрясающие моменты прочувствовать когда-нибудь в будущем), ее не могло не удивить открытие, что здесь — поющий край. Каждый день в клубе была презентация все новых и новых художественных коллективов близлежащих предприятий и организаций.

— У нас давно отвыкли петь, может потому... — дальше она сознательно застопорила ход развития мыслей.

Умудрялись и купаться ближе к вечеру. Айят шла в воду только по разрешению Ады. Она очень удачно нашла место с прозрачным песчаным дном и как все неумоющие плавать залезла в воду чуть выше пояса. Ада ей надарила много кусочков янтаря, Айят так и пукала его с обычными красивыми камушками, отдающими почему-то желтизной. Море было синим-синим. пляж как пограничный, контролировался, как общий, так и запрянтые в дюнах отдельные — женский и мужской: небольшой кораблик курсировал неустанно. На другой стороне была Скандинавия...

В этот безветренный вечер перед отъездом Айят и Ада заняли среднюю скамеечку у залива. Огромный шар солнца уходил за их спиной за море, освещая верхушки лесов на дюнах, а впереди глянцево-матовым отблеском застыла гладь залива, будто высвеченная изнутри обильным солнцем.

— Какая красота, Ада! Даже лебеди не захотели отвлекать наше внимание от этой красы. Ада, спасибо тебе за все... Вот я бросаю копейку в залив, чтобы всем нуждающимся встречались такие люди, как ты, и чтобы мы когда-нибудь встретились с тобой... Я не люблю писать писем, но тебя никогда не забуду...

— Я тебя тоже, Айят. И тебе спасибо. Ты — редкий, добрый человек... потерять тебя — страшно... Пойдем, посидим сегодня с хозяевами... На память хочу им подарить матрешку, которую я привезла с собой.

— А я — фарфоровый чайничек свой — он нам ни разу не пригодился, — улыбнулась Айят и они пошли.

Уже всходила луна, которая видела всех под собой.

— Ада, а ведь она видит моих стриженных мальчиков. Мой папа летом их остригает налысо... — сказала Айят, показывая на луну.

— И мама ждет, небось, печет что-то ваше вкусное, — по-родному радовалась Ада.

— Если приглашу, приедешь с мужем и с сыном к нам? — спросила Айят. — У нас очень хорошие люди.

— Верю. Может и приедем. Только больно далеко вато...

— Ничего... Расстояния не страшны, — агитировала Айят...

Вечером снова пели, расхаживая по единственной улице Прейлы, а когда вернулись, Маритэ Юргесовна и Бронюс Казимирович, волнуясь, приняли подарки и сами преподнесли им одинаковые нарядные куколки. Почти одновременно Айят и Ада сказали, что назовут их Нерингой.

ДИАЛОГ МУЖЧИН В АЭРОПОРТУ

— Скажите, было бы столько веселья на свадьбах и столько неподдельного горя на похоронах без женщин? И вообще, женщина — настолько светлое создание, что через нее — все цвета радуги нашей жизни...

— О, нет, вы — молоды и восторженны... Я же придерживаюсь того, что из-за женщин много зла на земле, — с упором сказал седоватый мужчина в очках.

— Это неправда, — мягко возразил молодой человек с гладкими темными волосами и голубыми глазами. — Есть причины и следствия, есть вызов и ответ, есть действие и противодействие, есть добро и благодарность... Мой отец говорит, что по нему плакала тюрьма, а вот встреча с мамой все изменила: бросил пить, курить, выучился заочно... Они были такими разными, мама не могла жить без людей, папа любил уединяться, и отдыхали они порознь. Не помню ни одной громкой ссоры или оскорблений, но скрываемая тщательно отцовская ревность (ведь ее проявление унизило бы некогда незаменимого главаря мальчишеской шайки) однажды пропала на свадьбе сына одного родича: отец дал публичный развод маме и потребовал ее ухода из дома. Что было потом? Он ловил ее на улицах, упрямил, ложился на ее глаза на проезжую дорогу, а потом бухнулся на колени перед сотрудниками мамы... Как же было нелегко моей любящей маме с таким до безответственности непоследовательным человеком... Потом он заболел. И

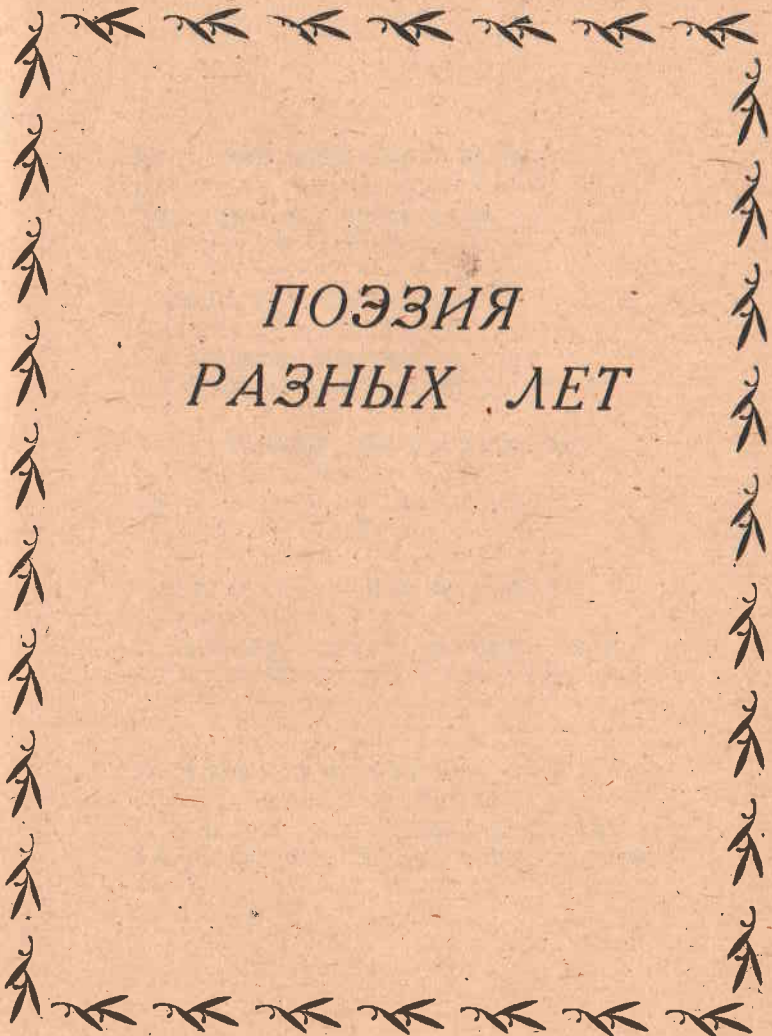
довольно серьезно. Собрал нас — маму и двух сынов, и говорит:

— Дети, берегите мать... Женское счастье — в наших поступках и в нашем внимании, а все хорошее в нас — от любимой женщины... А ты, любимая, прости! Ничего я не успел сделать для тебя, — так огоршил нас мой невоспитанный отец... Мама буквально отвоевала его у смерти.

— К сожалению, таких женщин единицы, — грустно заметил мужчина. И счастье вашего отца — тоже редкое явление... Я вам завидую белой завистью. Но сегодня есть страшное явление — мужчина мирится с печатью посредственности в семье, а сын, конечно, повторит его... Вы ведь тоже сами только что в автобусе слышали отзыв девицы об отце (всему автобусу). Как робко слушала ее подружка, видать отец не из простых... И одета она как! И желание поменять работу так запросто — все говорит за то. Он — добытчик, устроитель, а то, что не нравится дочери, что он каждый день обедает дома — откуда?! От его жены и от ее матери... Видите, один и тот же факт тронул нас разными гранями. Вы никогда не задумывались о том, что у весьма деловых, незаменимых, недоступно важных женщин бывают невзрачные, необщительные, серенькие дети. Если они не стали преступниками, то только лишь потому, что балластом на нормах поведения был безынициативный и немного жалкий отец, который умрет, но не поверит, что его обманывают всю жизнь... А-а, разбередилось нехоти, — махнул мужчина рукой и, как бы извиняясь, тронул плечо своего спутника..

Отменялись все еще десятки рейсов. От духоты, тесноты и становящейся невыносимой усталости в ногах я впритык устроилась к этим мужчинам и против воли слушала их сокровенные мысли, принадлежащие только им.

Аэропорт жил своей жизнью. Сотни людей для него — лишь пассажиры. А важны для него только погода и технические условия. Нет дела ему до моего неудобства, до причины потрясения этих мужчин, от которого включился у них освещающий фактор памяти, поведший их обратным путем к конкретному изображению чего-то, от которого было сегодняшнее неприятие отдельных аксиом... В бесконечности времени это нелегко сделать..

ПОЭЗИЯ
РАЗНЫХ ЛЕТ

Как много дней* вокруг ненастье,
Как много горьких слов и дум.
Как долго жду простое счастье,
Стыдась своих безвинных мук.

Весна моя! Тебе я рада,
Грому, Молнии, Грозе,
Надеждам жизненного сада,
Обретшим цвет в моей душе!

Тебя встречаю, как жизни правду,
Как благодарение добру.
Меня не влечь в стихий забаву
И оградить судьбу зову.

Цветы любви! Вам не увянуть:
Истоки ваши напою.
Весельем, песней, солнцем стану,
Сквозь темень туч я к вам прорвусь!

* * *

Будущее — у всех загадка,
Лучшее только в настоящем.
Что ни день — о, Небо, здравствуй!
Не растворишься, Земля, в пространстве!

■ ■ ■
Обломком солнечным осиян —
Вдали, вдали весь горный край.
На прощанье день рассыпан
По небу в розовых облаках.

* * *
Солнце, что на закате сонно,
Держит тебя на ладони, клоня...
О, золотая моя мадонна!
На хлопковом поле, на склоне дня!

Ты звездное утро в поле встречаешь,
И солнце ласковей и горячей.
В белое облачко хлопок вплетаешь,
Ты вся — в окруженьи жарких лучей.

Как много пряжи, подобной чуду, —
Хватит для женщины, для всех матерей...
Белые выткав платки, повсюду,
Взывая к миру, разбросайте скорей!

МОЯ ЛЮБОВЬ

Сердце мое наполнено
Любовью большой и светлой
К родине быстрых речек,
Краю гор и долин.

Сердце мое наполнено,
Любовью большой и светлой
К взлету земных строек,
К россыпи звездных светил.

Сердце мое наполнено
Любовью большой и светлой
К тайне весеннего ливня,
К почкам нежной листвы.

Сердце мое наполнено
Любовью большой и светлой
К мужеству трудной жизни,
К горечи ранних седи.

Сердце мое наполнено
Любовью большой и светлой
К играм, поцелуям и смеху,
Которые дарит мне сын.

Сердце мое наполнено
Любовью большой и светлой
К тому, кто однажды осенью
Стал навсегда моим.

МОЕЙ ЛАРИСЕ ИВАНОВНЕ

Почему движется время?
Почему не застынет век?
Почему не рухнут горы
И не исчезнут русла рек?

По какому праву сегодня
Мерцают звезды вдали,
Все та же дорога у солнца
И блуждает луна в ночи?

Почему из ущелий так же
Все дует тот ветерок?
Почему во всем пространстве
Никто не заметит мой рок?

А все очень просто, наверно,
Я — одна из всех людей,
И от горестей моих, откровенно,
Было Вам всегда тяжелей!

Вы в себя ту долю вбирали,
Что могли понять и простить.
А понимали, прощали немало,
И иначе не умеете жить!

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Неизбежность — встречи, разлуки,
Неизбежность — вдохновение и муки.
В этой жизни потери, сомненья —
Спутники наши и они неизбежны.

Неизбежность — обиды, поражения,
Неизбежность дарит обреченье,
Но рассвет вслед за темнью
Наступает всегда неизбежно.

После молнии гром неизбежен,
Лишь гроза очищает небо.
Неизбежность всегда неизбежность,
Оттого существует вечность...

А нашим духом все-таки правят
Надежда с бесконечностью в сплаве,
Благословенное теплое слово
И исход правого спора.

ЧУЖАЯ ТАИНА

Я оказалась невольно
Свидетелем тайны чужой.
Была она незащищенной,
Была такой чистой, большой!

В бережном рук прикосновении,
В пламени взгляда и слов
Сквозило дурманящее обречение,
Таилась стыдящаяся боль.

Смущенья, сбивчивых оправданий,
Потому я и не ждала.
Ведь это была извечная тайна,
А может, она святою была?

Но с щемящей тоской тайну я уносила,
И чтоб не тяжело было идти,
Ее в березовой роще схоронила,
Что оказалась у меня на пути...

* * *

Женщина военной поры —
Боль и нежность моя!
Любимый недолюбил,
Сгорел, но сберег тебя!

Чтоб потом тебе уступил.
Все лучшее на житейских кручах,
Он еще жизнь сохранил
Сверстника, седого нынче.

Ты — мощь и сила моя,
Казнь души куплена свобода.
Вынесены на твоих плечах
Молодость и совесть народа.

Женщина военной поры,
Ты намного моложе была!
Пред тобой голову склонив,
Я говорю: ты — женская гордость моя!

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

А ты сердце мое послушай
В ровном дыхании голубого огня...
Ведь к тебе я пришла не юной —
В середине летнего дня.

В виноградной тени лишь сорока
Предвещала дорогу твою,
И хоть была я с тобой незнакома,
Ты вошел в мой дом наяву.

Какие магические силы,
Иль вымоленной случайности долг
По петляющим ломаным тропам
Нашли мой забытый порог?

Впервые я счастьем похищена,
Стреножена долгая грусть.
Лишь бы ветром прошлых страданий
Сохраненный уголек не задуть...

СЛУЧАЙНАЯ ИСПОВЕДЬ

...«Я помню тот вечер июльский,
Когда грянула озорная гроза,
Вымокнув до последней нитки,
Его с самолета ждала.

Он явился рассержен, усталый,
Безразличный как всегда и чужой.
В привычности я и не ожидала,
Что может стать он моею судьбой.

Расспросил о делах суховата,
Вперив свой взгляд в край стола,
Будто я в чем была виновата,
Что служба нас зачем-то свела.

И вдруг ворвалась летняя свежесть,
Наполненная запахом горных цветов...
Впервые глаза по-другому встретились,
Спрессованная годами ожила любовь.

Нет, не побежала б к нему я навстречу,
Буйством души разгоняя тоску.
Не обняла б, не поникла на плечи,
Не оставила б на губах поцелуй.

От многих потерь набравшись терпенья,
Изнемогала я, обессилив совсем.
Ждала для счастья лишь его решения,
Для меня был бесконечно дорог
его плен...

Любовь поздняя, трудная
Распускалась тихим цветом,
Боялась лихих пересудов,
Пряталась от хмурого света.

Не было у нас для любви преград,
И хотя говорил, что любить меня — дар.
Не целовались мы до боли в губах,
Видно, нет во мне таинственных чар!!!

Разум все понял, принял как есть,
Но душа тосковала, хмелея.
Но что он сказал, смел произнести?!
— Ты слишком красива, робею...

Красота однажды меня предала,
И чуть не прослыл я нелестно.
Почему до сих пор ты замуж не шла?
И была ли когда-то невеста?

Где здесь о чести, гордости думать,
Обняла я его колени:
— В прошлом — сон, в настоящем
— ты нужен.

Любила, люблю, никто не заменит!
Целуй меня, обними, обожги,
Хоть раз сумасшедшей побуду,
Буду прачкой, кухаркой, детей рожать
Буду, буду, только буду...
Только не надо сравнением пытаться...

Так и кончился наш служебный роман.
Стала я любимой женою.
Есть только одна малая грань:
Ничем не касаться былого...»

Объявили мой рейс и я поднялась,
На незнакомку взглянув благодарно:
Не униженьё — поняла я сейчас,
Для счастья ушасть на колени...

СТРОКИ РАЗЛУКИ

Мы были чужими, ты был незнаком,
Но образ твой жил в душе неотступно.
Увидела тебя я среди сотен в метро,
И захвачена была опьяняющей смутой...

Я стала верить, что пришла любовь,
Мне нравилось ждать тебя, незнакомца...
И пришел ты московской дождливой весной,
И чтоб уйти с лучами весеннего солнца?!

Меж этих весен — двадцать лет
Любви, счастья, огорчений.
И детям взрослым ты отец —
Глазастым, бурным и упорным...

В старшем я слышу твой далекий голос,
В среднем — походка, кивок головы...
В доченьке — ямочка над левой бровью,
В детях люблю несовершенства твои.

Любовь не давала стареть, сгибаться,
От жизненных встрясок, невзгод лихих.
Для тебя успевала молодеть, наряжаться,
И старалась очаг поддержать за «троих»...

И вот встретились мы, но такими чужими,
Незнакомо, жутко ты прячешь глаза.
Ничто не дрогнуло — в сердце стылыми
Каплями застряла ледяная слеза...

Знаешь, наказан за кару жестокою,
За невинно преданную любовь,
Я ж отринула свою участь убогую,
Презирая душой всю путающую ложь.

Ты был всем в мои дни и ночи,
Роднее родного — других просто нет.
Тебя ж отнимали что есть мочи
Бесправные, хотя предназначен ты мне.

В бесконечности незнакомства
Не случайно дано повстречаться двоим,
Не надо бы, чтоб из-за «несходства»
Много вновь становиться чужим.

Мы были чужими и стали чужими.
Твой образ расчеркнут в темных следах...
Что было построено, тобою разрушено.
В ослепляющем угаре — тебя сжигающий
крах.

* * *

Беда пришла в мой дом.
Разум сердце не может унять.
Я тихо поверяю о том,
Что в очаге загостился чад.
Тот, кого любила,
Кому была верна,
Кого ждала годами,
Хоронясь в четырех стенах,
В ком видела опору,
Чей продолжала род,
Кому удачи молила
У солнца, у луны, у звезд,

От бед оберегала,
Прячась от всех тайком;
По-старинному — от бабушки —
К западу лицом,
В ком видела защиту,
Прячась за его спиной,
Тот коварно вздумал,
Мою судьбу сломить,
Пытаясь уязвимей
И вероломней бить.
И избран теперь он мукой
Живым себя хоронить...

* * *

Говорят, что встарь, что давным-давно
Женщины, измену мужа узнав,
К нежным чинарам, когда темно,
Несли свое тайное горе, в слезах...
С прикрытыми веками, присев на колени,
Делились, чинару обвив рукой...
Листья, беззвучному голосу внемля,
Колыхались в порывах, не владея собой.
И рождался ветер — несказанная боль —
Ведь от корня до кроны дерева едины.
Как хотите, но тайна непогоды любой
В женщинах, обиженных женщиной.

* * *

Говорят: «Ты теперь одинока,
И лишь теперь жизнь полощет тебя»...
Эх, вы, люди, как порой однобоки,
Осуждая, невинных кляня...

Лишь сама я одна посчитаю
Все ночи без сна напролет,
Как холодная постель вбирает,
По каплям пригоршни слез.

Обречена на одиночество
От силы и гордости я.
Я хочу Любви-Высочества,
О крохах не плачу, скорбя.

Это страшно: любовь умирает,
Нет пламени и всплеска в глазах,
А душа тянет дымкой и тает,
Рыхлым снегом, будто зола.

Как странно: перегорело,
И в том сути нет никакой:
Что девочкой с челочкой взлелеяно,
Отвергнуто женщиной седой.

* * *

Солнце, остановись!
Не уходи за дальние холмы.
Пусть закат подольше искрится
В непривычной, летней тиши...

Мы вдвоем в едином безмолвии,
И виденье это любя, —
В его взгляде, немногословии
Понять обо всем я должна...

Солнце! Я целую его глаза.
В них зеленая листва,
Отразились в них снега,
Южных небес синева.

Нам жарко! Губы — палящий закат.
Захмелела моя голова.
Боюсь — высота в глазах.
Удержи, не дай мне упасть.

Какие руки твои!
Как долго я ждала!
Целуй, родной, обними!
Только тебя я звала!

* * * *

День вчерашний — обман.
Мне приснилась весна,
Пыльно-серый туман,
Стынь холодна.

Деревья недвижны,
Скучны поля,
Окаймили вершины
Целюбые снега.

Уплыл горизонт
Далеко-далеко,
Отступил цейтнот,
Но совсем нелегко.

В хмарь без дождя
Моя грусть в унисон.
Родная земля,
Тебе мой поклон.

К тебе не зря
Исповедь несю.
Выплакать всю
Душу смогу.

ЧИНГИЗУ АЙТМАТОВУ

Издревле говорят все народы,
Что гения рождает время его.
Это — правда, но ведь и спорят:
Гений — продолжение отца своего...

Ты помнишь, Кугартская долина,
И вся округа, некогда кантон,
Бесстрашного партии сына
В тогдашнем сложном двадцать восьмом?!
Говорят, был красиво он сложен,
И мудр был в неполных двадцать пять...
А жена — это нежная кротость,
У которой неописуемый взгляд.

Джигитов в превратностях судьба
Не отделила от горя людского:
На десятки лет буреломные ветра
Занесли к их памяти дороги.
Ликуй теперь, Кугартская долина,
Вдвойне воздай и торжествуй:
По всей земле раздвинут сыном
Начатый отсюда путь Отцом!

По бескорыстному закону природы,
Избранника тулпары чистых кровей
Пускают вперед, заряжая иноходью,
В догоняющем порыве своих скоростей!
От центра мира все кыргызы
До Клайпеды и Сан-Франциско вслед
Прошли за гением Чингиза,
С паритетами достигнув небес.

И, стоя, Вам планета рукоплещет,
И лучше, чем Гамзатов, не сказать:
Наш именитый полуевропеец,
Наш знаменитый полуазиат!

НА ЗЕМЛЕ ПРЕДКОВ

Эхо встретило звонами
В ущелье камней неспроста:
На тропах, хоженных дедами,
Я впервые — это судьба!
Родник посреди дороги,
Цветов и зелени пестрый ковер...
Незнакомо, хоть и в чем-то похоже
Безмолвное величие гор!
От забвенья лишь горечь, обида,
Но и прощенье, милость, любовь:
В земле предков — потомков сила
И благословляющий крови зов!

МАМЫ

Есть солнце, снега, дождь,
Радость, слезы и бури,
Есть земля и есть мы,
Наши законы и наши будни,
Оттого, что когда-то в мир
Наши мамы пришли.
Есть заботы, мнения, убеждения,
Есть стремленья и мечты у нас.
Есть избранный круг общения,
Желанные блага в делах,
Есть в любви высота измерения
И почет к чистоте души.
Так живите подольше, мамы,
Те, что лучшее в мир принесли!

* * *

О, Родина! Что с тобою случилось?
В загоне правда, ложь сильна подчас...
Становится все больше геростратов,
Готовых сжечь свою страну у нас.
О, Родина! Не забывай о жертвах —
Их много в биографии твоей...
В неистовстве дождя и вое ветра
Сбережь старайся тех, кто нас честней!
Тревожны мысли, а душа в руинах:
Полжизни мимо — такова судьба!
Пронзает боль от участи кыргызов,
К узбекам в дом стучалась вновь беда...
В глазах детей опять живет тревога,
Приходит по ночам как злой вампир.
Грохочут БТРы по дорогам —
Война нам не нужна, нам нужен мир!
Земли и Неба бунта я свидетель,
Вселился в нас какой-то злобный бес...
Но верю: возродится добродетель
В сияньи солнца с голубых небес!

* * *

О, боль моя!
Вновь скрестились наши пути!
Закружи, сожги, испепели!
На молитвы и просьбы
совсем
нет
сил!

О, боль моя!
Как ты мне верна!
Я, наверно, у тебя одна?!
Которая любую чашу твою
испивает
до
Дна!

РАЗДУМЬЯ

Что за сон тягучий и зябкий
Перед утром мне приснился?!
Я не знаю исхода схватки,
И кто из нас с дороги сбился?!

Кусок луны из оранжевой пены
Над миром застывшим тает серпом...
Жутким осадком сна плененны,
Из памяти мысли текут холодком...

* * *

Меня опалила гадалка,
Жизнь обидчика превознося.

Другая гадалка сказала,
Что счастье идет неспеша...

Третья гадалка пророчит,
Что обидчик пощады ждет...

И так нагло меня морочит,
Хотя с прошлым ничто не сведет...

* * *

Я долго ждала этот час,
Но не представляла, как он наступит,
Хоть верила, что жизни баланс,
Ничто никогда не нарушит...

Есть свыше избранные дела,
Истории моменты и люди...
Недобрые, чеканные слова
Не затуманят истины и Судьбы...

НАСИРДИНУ ИСАНОВУ

Уймись, моя горькая ярость:
У смерти — законы свои.
Их всесилье и властность
Изначально Богом даны,
Как расплата высшим за низких,
И очищение добром за грехи.

Пейзаж осенний, скудный,
Быть может печально постиг...
Какие тяготили думы?
Был ли предчувствия миг?
Предательски молчали просторы
И Кровавые версты...

Обманчивым было Небо,
Жестока оказалась Земля...
Где-то за завесами света
Яркая уже гасла звезда.
«Смерть самых лучших выбирает
И дергает по одному...»

Я ВСЕ ТЕРЯЮ ДРУЗЕЙ

Может, нуждалась в этом человеке
Я в последний и решающий раз.
Нетерпение его сердца навеки
Разлучает в злополучный час...

Нет грусти и вовсе нет чувств
На усталые песни потерь...

ВАШ СВЕТ

Хоть в душе все болью погашено,
И привычны мученья без снов,
Но ночи сейчас украшены
Смыслом Ваших огненных слов.

Пусть они не взбурлят потоков
Хмельных мыслей и жара чувств,
Но как размеренно и кротко
Они нежат и радуют слух.

В сердце вглядываюсь я тихо
И Ваш свет все там нахожу...
Боль не успеет стихнуть,
А я к думам о Вас прихожу...

Н. А. Н.

Того, кто не был и не будет
С тобою рядом никогда,
Любить ли можно в прозе буден?!
Молить Всевышнего всегда
Лета к нему быть благосклонным,
Фортуны щедрой не жалеть.
ЕГО ж молить быть осторожным,
Ловя на волнах звук речей...
Ласкать экранное лицо,
Открывая вновь и вновь
Просторы Гения ЕГО...
Услышь, НЕ ЗНАЮЩИЙ меня:
Любить так можно лишь ТЕБЯ!

ОПЕЧАТКА

В данной книге «Жертва» С. Шариповой
на стр. 105 стихотворения «Н.А.Н» снизу
вверх пропущена 6-а строка—«И волнуя в
сердце кровь».

НАСТРОЕНИЕ

Недосягаемые пики гор,
Деревьев изумрудный убор...
Безбрежность морей, океан —
Ничто — без истоков, Начал...

* * *

Когда стаей летит листва,
Жухло шурша под ногами,
Не грусти понапрасну, душа,
Не кроны правят мирами...

* * *

У редких каньонов всегда
В затейливых уступах громад
Разузорена мощь песка
И камушков причуды подряд...

* * *

Были бы корни всегда,
Которыми становимся, живя...

* * *

Основа мироздания — земля,
Которой становимся, уходя...

* * *

Корявые стволы склонились низко,
Подвластные штормам, пока придет весна.
Кленовый лист в рубиновых прожилках
Принес восторженно мальчишка со двора.

* * *

Уж хмарь разгулялась очень
И дарит неизбывную жуть...
Будто эта поздняя осень
Дорога в долгую грусть.

МОЙ ОКТЯБРЬ

Листья все еще зелены.
— Разве уже осень?!
Небо сочно от синева —
Разве уже осень?!

Солнце нещадно палит —
Какое это предзимье?!
Сердце о любви твердит —
Какое это предзимье?!

Свои листаю я годы —
Уж не целовать тебя, милый.
А в снах остался всё ты —
Невстреченный милый...

ЗНАЕШЬ...

Знаешь, и впрямь в этой жизни
Так много горьких минут,
Когда предаст тебя ближний,
Иль грозит одолеть недуг...

Иль попросту восстанет обида
На явную неблагодарность...
Природа лишается вида,
Оттого, что Фортуны не стало...

Вот тогда-то ринуться надо
В непривычность, где близкая просит
Коснется лица, словно вата.
Отчего забудешь, что осень...

И вдруг ясные миги вернутся,
Что были не так и плохи,
Весь сор суеты обнажится,
Отбросив суть шелухи...

ПОТОМУ ОБЯЗАНА...

Свысока на меня вы глядели,
Сквозь стекла именных машин,
И в смаке победителя млели,
Хоть ненадежна скорость шин...

Претендуя на общества верх,
Вторгаясь в элиту, вы грубо,
Непритворно обращали в грех
Мою оплошность любую...

И тем мне уроки давали,
Что роскошью суть затмить
Пытались и не полагали,
Что учили смешною не быть...

Вы стремились не ставить вровень
Наши судьбы, себя и меня.
Вам потому обязана многим,
Что прочнее стала Я!

ЕСЛИ...

Если вдруг ураганом,
Бурей, шквалом, грозой,
Неизбывным буяном
Небо смешалось с землей—
Где-то народ обижен
Несправедливой рукой...

Если плотной завесой
Небо целует поля
И как захмелевший повеса
Надолго теряет себя—
То не туман, а красит
Мир этот чья-то беда...

Если оранжевый месяц,
Сквозь синие тучи пройдя,
В лике Девы осветит
В ночь полнолуния края —
Знай, это отметит
Знаменьем особым дела...

Если за городом рано
В сердце горной гряды
Видишь заблудшей ланью
Тучки бегущей следы—
Это гонец мирозданья,
Чтоб ладили Я и ТЫ!

ПЕРЕВОДЫ

ДОЖДЬ

Без конца, без конца, как тягучая нить,
Льется дождь и струей погоняет струю.
Столько дней все пытается он уточнить
Ритмы нашей судьбы,
Плещет в душу мою.

Мыть угодливо стекла не надо! Постой!
Нет той девочки с челкой,
Нет девочки той,
Что дурачится, струйкам подставив лицо,
Что вприпрыжку помчалась бы вместе с тобой.

* Перевод Михаила Синельникова.

О СЕБЕ

Мыслями рассветными светло я
Оседлала иноходца дня,
Словно капельки дождя, Былое
Обжигает и знобит меня...

Жизнь моя обведена сквозною
Тесной нитью вокруг веретена
Горя: как ни потяну — с тоскою
Ни вершины не найду, ни дна...

Жизнь моя — ночной горы хорал,
Неужели солнца не дожждаться? —
Лишь перешагну я перевал
Тьмы и снова тьма — не отдышаться...

Правды, полуправды и вранья
В жизни было мне дано немало,
Но коленопреклоненной я
И двуликой — в горестях — не стала...

Я всегда ценила взгляд прямой,
Откровенный разговор. Всегда я
Дорожила Честью, всей земной
Жизни — Знаменем ее считая...

Перевод Валерия Краско.

НОВАЯ ВОЛНА

В одну из пасмурных ночей чилде¹
Туман Предчувствия сошел на вежды,
И зазвенели — в унисон звезде —
Мерцающие огоньки надежды.

Боюсь и снов, и знаков, и примет...
Ах, не глумись любовью над влюбленной
В начале осени —
на склоны лет
Ушла гроза весны неуголенной.

Где ты плутал так долго, мой джигит?
Неужто душу светом страсти нежной
От бредов и недугов исцелит
Святейший Улукман² души безбрежной?

И, в полночь, полусна погружена,
Ищу вторую половину сна я.
Из памяти восстала та весна,
Когда: «Твоей весной опьянена
Моя весна!» — ты бредил, сна не зная.

Сон о Любви — у каждого в крови...
Я слишком поздно о Любви молила:
В семнадцать лет — в тисках чужой любви —
Я, не любя, сама себе губила,

¹ Чилде — 40 дней пика зимы, холода и непогоды (обычно с 25 декабря по 5 февраля).

² Улукман — волшебный целитель в мусульманских легендах.

А счастье — мимо сердца — по судьбе —
Как сон, как мимолетное виденье...

Глазам не веря, верю лишь Тебе,
Тебя мне подарило Провиденье:

Ты — рядом,
ты — во мне —

наедине
С весной — в осеннюю зарю поверишь!..

Ты так давно, так долго шел ко мне —
Огонь любви я подарю Тебе лишь...

* Перевод Валерия Краско.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ты — цельность боли и любви в мольбе,
Ты — драгоценность на руинах Рима.
Ты на осенней встретился троне,
И сердце о Тебе заговорило.

Ты — лунный свет струишь в ночную тишь,
Ты — солнца луч,
и таю как свеча я,
Когда ты рядышком со мной стоишь,
И мужество, и нежность излучая...

* Перевод Валерия Краско.

ХОЛОДНЫЕ ДОЖДИ...

В этот день с дождем, неистово пузырящимся в лужах, я зримо вспомнила давнишнюю московскую осень.. Тот же промозглый холод, то же обилие вымокших разномастных опавших листьев, то же состояние размытой тревоги в душе.

Тогда в Москве я только (по распределению) начала работать инженером, когда начались страшные нападки на Сахарова. Даже самые кощунственные словоизвержения с претензией на всестороннюю исчерпанность и бесспорную обоснованность — не могли выглядеть достаточными аргументами для морального низвержения Героя, Лауреата, Знаменитости.. Этот факт может и был моим первым столкновением с несправедливостью самого высокого ранга, оттого узаконенного и безнаказанного. Но этого тогда я не знала, а моя душа, в изумлении погружившись в необъяснимую тревогу, была обречена на беззащитность. После очередной передачи по радио, я в слезах бросилась к телефону и позвонила преподавателю нашего института, бывшему комиссару партизанского движения на Смоленщине, человеку, которого я бесконечно ценила и уважала, Силантьеву:

— Петр Федорович, как так можно клеветать на Сахарова? Не может же он почивать на лаврах, если где-то, кому-то плохо.. Все равно, пусть через полвека, у него будут просить прощения..

Мой наставник, один из тех, кто всегда по-отцовски поощрял и поддерживал меня в многоликой студенческой жизни, долго молчал, а тем временем начальник отдела Мария Иосифовна Вассерман, сняв очки, уста видась на меня.

— Вот те раз, — положила руки на стол Валентина Николаевна (кстати, я с ней общаюсь до сих пор).

— За эти слова тебя бы надо ремнем, — ужаснулась Антонина Алексеевна.

А я ждала, что скажут в трубке.

— К сожалению, это страшная ошибка партии, — заговорил Петр Федорович. — Как много лишений в нашей истории из-за простого отсутствия такта, культуры. Человек должен иметь право на собственное мнение, иметь право отстаивать достоинство свое и других. Сахаров еще раз доказал, что он — истинный гений... Но вы берегите себя, — предупредил он меня, чуть снизив голос, чтобы я поняла это логическое ударение. — У нас мало культуры пока...

Мы ещё поговорили, а вечером, идя в метро через сквер сквозь пузырящийся дождь, промозглый холод, обилие шуршащих листьев, я поймала себя на том, что беззвучно повторяю слова «мало культуры пока...». Как продолжение, вспомнила урок английского языка, на котором наша Наталья Кировна, подполковник в отставке, ни с того, ни с сего задала вопрос, что такое «Калте» (кажется, в связи с бескультурным поступком одного из нас, но чего мы не заметили). Мы перевели: «культура».

— Нет, вы какой смысл вкладываете в слово «культура»?

Очередное чудачество «бабки» нас обрадовало: мож но тянуть время. Она разрешила полемицировать на русском, но полемики у нас не вышло. Слишком наша аристократка любила точность в словах, и в безнадежности, в сердцах, я сказала:

— Культ-УРА — культ универсального разума...

— Ишь ты, — по обыкновению ухмыльнулась Наталья Кировна. — Неожиданное толкование, но не охватывает внутренней емкости слова.

— Культ-УРА — культ ума, речи, апогея нравственного поступка...

За «смелость экспериментирования» Наталья Кировна поставила мне «отлично», что, однако, не помешало ей на следующий раз выдворить меня за дверь, на объяснение к декану, только за одну подсказку. При этом воспоминании стало мне тепло и спокойно...

Да, но в нравственности не может быть апогея. Нравственность — постоянное человеческое измерение, особенно в экстремальных ситуациях.

Став не только свидетелем моральной и нравственной тирании инакомыслящих власть имущими, но и жертвой, чуть не став жертвой разъяренной толпы в июле девяностого года, по-своему пережив события августа 91-го года, я с горечью отмечаю насколько бескультурно наше общество. Кому-то очень выгодно оценивать все с высоты птичьего полета: ведь оттуда горы и города, реки и дороги, леса и поля, болота и свалки кажутся на одном уровне, контуры очертания их будто вышиты бледной гладью, и не думается в тот миг о скалах, обрывах, кручах и теснинах...

А на земле-то что делается? Говорят, что наша битва — отголосок звездных войн, ибо мы их частицы. Говорят, что космос нас накажет за неуживчивость и драчливость... Выходит, простая культура духа и нравов — понятие космическое, (а как же люди выдумали это понятие?), если решили инопланетяне внушить нам эту необходимость?! Необходимость жить для жизни?! А пока мы терпим страшные русла рек, что не допускалось в мусульманских краях, ступаем по изгаженным улицам и невозможным подъездам, что не прощалось мусульманину, дерущихся женщин на остановке, что бы

ло дико для мусульманок, молчим в ответ на оскорбления в автобусе, терпимы к проституткам и развратникам, что узаконено и престижно в нашем обществе, вне формационном и безнравственном. Мы бессильны перед спекулянтами и ворами, мы в поклоне перед мафиози... В древние века были отличительные тавро на предстателях всех этих «профессий», а как же быть сегодня в демократическом обществе? Ждать естественного состояния нормализации, пока «переболеем» всем этим? Ждать обесценивания до самых нижних пределов всего, что делает нас людьми? Ведь Высоцкого, Цоя, Талькова уже нет...

В свое время мы обманули вечность, перешагнув в сегодняшнюю историю, и этот период мстит нам примитивностью и безоглядностью в дальнейшем движении вперед. Неумелые шаги в новом пространстве взаимоотношений, где очень много корысти и очень мало мыслей о накапливании цивилизованного престижа своей земли. А ведь рынок, как ни странно, дело рук честных и джентльменских сердец. Деловые люди никогда не должны допускать компрометирующих факторов по отношению друг к другу; у меня, попросив посмотреть пакет документов, одно должностное лицо полностью украдо его, а другое лицо до сих пор не перечислит положенные средства.

...Холодные дожди срывают охапки листьев, хлещут землю, и вдруг... гром. Осенью... У меня появилась надежда, что и у нас будут деловые переговоры вестись по телефону; по раз созданному мнению будут изолированы источники бескультурия... Имею надежду и веру: Бог, как спасение миру, спускает на землю такие создания, которые, однажды провидев Будущее и с этой высоты оценив истину Настоящего, уверенно идут вперед. Но дремучее неприятие окружает их долгие годы. Ведь и Сахаров был парадоксальной фигурой даже на II

съезде народных депутатов СССР. Нет, не могу, не сжавшись, вспомнить, как ЕГО изгоняли с трибуны... Хотелось крикнуть услужливым оппонентам:

— Того, что вы пытаетесь распрямить свои помятые хребты, того, что проступают симптомы прорезания ваших голосов, не было бы без Сахарова и его последователей. Ему — пожилому и оскорбленному Генню — не даете высказаться. Ему — растоптанному и оклеветанному, не даете возможности самолично очиститься. Ведь он сегодня еще живой и может обо всем сказать Сам!

И вправду, до того времени, когда громогласно над Сахаровым и над миром пронесется «Прости...», когда скажут «Сахаров — светоч совести», оставалось меньше года.

Да, человек высокой культуры мышления и поступков — Сахаров стоял у истоков многопартийности и плюрализма мнений. В нем же видели сутяжный элемент только потому, что он не постиг престижности скоростных смен масок; не предавая своей веры и идеи, с уважением относился к вере и идее других людей. Не мог притворяться и есть благополучный хлеб, хотя он зарабатывал его своей мировой неординарностью.

Мы не можем одержать победы ни над чем, если не будет альтернативы выбора.

КАКОГО ВИДА ВАШ ПСИХОЗ?!

Я очень долго стою у края остановки. Передо мной нервно трясет рукой проходящим машинам какая-то женщина. Она выросла передо мной (откуда она взялась?) и, кажется, начиная от ее короткой мальчишеской стрижки черных волос, прилегающего коротковатого красного платя, и до мысика узких бирюзовых трипочных туфель всё показывает виновность всех ее первов. Я уже знала: пока не исчезнет она — мне машину не остановить. Минут сорок она раздражала меня, наконец, села, уехала. Я легко вздохнула, но выросла вторая преграда, парень на костылях, вышедший из травматологии с перевязанной правой ногой. У меня ни за что не поднялась бы рука опередить его.

Бедный парень замучился: простоял битый час. Я наблюдала и не понимала, где же сердце таких занятых и таких праздных владельцев колес?

Человек оказался в беде, вышел из нее живым, может радуется даже тому, что он ходит самостоятельно. Пусть даже на костылях. Ну почему пониманием и сочувствием не поддержать бы дух парня?

Наконец-то остановились белые «Жигули», номер «К 16-16 ош». Когда парень садился, я подбежала к машине и поблагодарила владельца машины. Он, конечно, удивился, и я объяснила, что за 60 минут проехало здесь около 1300 автомобилей разных видов, из них 85 могли взять парня. Я узнала, что водитель — работ-

ник совхоза-техникума Эргашев Шукурулло...

Вечером я схала домой и сквозь задумчивость услышала мужской крик, требующий немедленно уступить место женщине с детьми. Потом поняла, что он орет на меня, а сквозь толпу, кроме его головы, не было видно женщины с ребенком.

Кто-то из молодых, впереди сидящий, уступил место, а мне кто-то ухмыльнулся:

— Издали вы очень молодо выглядите!

— Спасибо,— только и ответила я, как на очередной остановке женщина лет пятидесяти, ворвавшись в автобус, подскочила к мужчине, сидевшему впереди меня, и зычно закричала:

— Отдай ключи, отдай... Уже которую семью разбилаешь,— и полился поток исповедей с проклятиями. Кто-то подкинул реплику:

— Хороший мужчина, значит...

Остановки две некогда красивая, а сейчас обезображенная женщина, не стыдясь, поносила взрослого мужчину, который в ответ только изредка мычал и небрежно взмахивал правой рукой, мол, «все это давно заучено»... Только кончилось это, как в передних рядах молодой мужской голос начал требовать от пышной женщины, чтобы та подвинулась, с издевкой добавляя: «Может, раскладушку с телевизором поставить?».

— Я за багаж заплатила, но если уступлю место, то не вам. И откуда такие беретесь? — спокойно говорила дама в пышном сарафане...

— Мы—местные, мы—у себя дома,—без акцента процитировал парень скандал.

— Не помню таких... Родилась и выросла тут. Местных таких не бывает... У тебя плохое настроение, а у меня, может, горе... Несчастье с сыном... Оттуда еду, не порчу же я никому настроения...

Парень замолчал. Подумав, дама взяла багаж на руки, парень сел.

— А что случилось? — тихо спросил он.

Она так же тихо, наклонившись к нему, начала говорить. Вышли они вместе и он понес ее багаж... В автобусе несколько человек засмеялись. Скоро мой выход. Я встала, пошла, но бойко стала прорываться дородная молодая женщина.

— Девушка, я тоже сейчас выхожу, — только успела сказать я.

— Может, я хочу впереди стоять...

— Пожалуйста, — хотела уйти я от конфликта, как сзади ее мамаша начала меня учить, как надо стоять в автобусе.

— Но здесь же выступ, встаньте, — хотела я убедить.

— А ты не «тыкай!» — заорала дочь. Мать встала впереди меня.

— Ишь, миниатюрная нашлась, — съязвила я и подумала: «Браво! Есть первый опыт ссоры в автобусе».

— А ты не «тыкай!» — тарасила зенки на меня дочь...

— Баба ты беспардонная. Сейчас весь автобус влетит в твою пасть, — сказала я и вышла.

Моя подруга — медик (на мой рассказ о неуклюжем дне) только и сказала:

— Ни на кого не обижайся и ничему не удивляйся. За границей просто в такой ситуации не учат уму-разуму, а спрашивают:

— Какого вида ваш психоз? — И успокаиваются.

Как говорится, успокоила...

ПОТЕРЯННЫЕ МГНОВЕНИЯ

Наша соседка по московской квартире Ольга Филипповна Котова, семидесяти восьми лет, невысокая, с прозрачно-голубыми глазами — была полна аристократической вежливости, благородства, ясного ума, жественна и добра. Каждое утро, справив свой неприятзательный туалет, она направлялась к метро за газетой «Правда», которую прочитывала от точки до точки. Обед она готовила с удовольствием и с фантазией.

Телевизор она смотрела долго, попивая чай из самовара вприкуску с сахаром. Очень часто мы бывали с ней одни и чай пили вместе. С ней я поняла удовольствие пить чай из бюдечка с пирожными да с печеньями.

Учила меня правильно стирать (некогда мать ее держала прачечную и в этой тяжелой работе тоже владела неделимыми секретами).

Я же Ольгу Филипповну угощала нашими блюдами южными — пловом, манты, маставой. Но обожала она хашаны, называя их ушастиками.

...Под нашим окном росла рябина. Поздней осенью, глядя на нее с третьего этажа, Ольга Филипповна плакала и курила. И так целый день.

Ольга Филипповна часто грустила, вспоминая мужа, но в этот день, то и дело заговаривая о нем, она буквально заливалась слезами. Закуривала для успокоения, но не получалось.

Мы сидели на кухне.

Начинала сыпать ленивая снежная крупа. Мы одно временно приподнялись и взглянули вниз, на неизменную рябину... Наш чай в этот день не получился. Самовар остывал, а мы не уходили из кухни.

Ольга Филипповна в ее комнате рассказывала о слу чайной встрече с князем Сумбатовым у графини Ламановой, где он заказывал свой костюм к какому-то спектаклю.

Поговорив с ним, она сбежала по ступенькам и буквально столкнулась со своим будущим мужем. И тут же, на ступеньках, она дала согласие выйти замуж за него. Свадьба была скорой и в узком кругу. Беременность она переносила плохо. И чтоб отвлечь, муж предложил покататься в лодке. Она водила через край лодки правой рукой по воде и не заметила, как кольцо обручальное ушло в воду. Сердце охватила тревога: нехороший знак.

Родился сын, и ощущение несравненного богатства матери от встречи с ребенком жило в ней пятьдесят с лишним лет, хотя ребенок прожил всего десять дней... И совсем скоро утонул муж...

Долго не выходила замуж Ольга Филипповна. Пока не встретила Петра Котова.

Какой же доброты был этот человек, который молчаливым пониманием и неподдельным уважением к ней лечил ее раны.

И добился большой ее любви...

Как они с мужем были в московском ополчении, как сохранили документацию своего завода — эта была исповедь...

Мы прожили два года: рядом с ней родился мой первенец.

Неспроста она захлебывалась слезами, требуя найти обручальное кольцо, которое улетело невесте куда в Кузьминском парке, где мы с мужем играли в бадминтон. Так играючи и беспамятно разлетелась наша жизнь.

Она говорила, что умрет, как только мы уедем.

Мы уехали, ее не стало, но потеря для меня по сей день то, что не знала я всего значения Ольги Филипповны, не осознала ее как связь времен, не придав значения ни её тесному общению с известным актером — князем Сумбатовым, ни с законодательницей мод России — графиней Ламановой.

СОДЕРЖАНИЕ

Снег давних лет	3

ПОВЕСТИ

Жертва	7
Из жизни развратника	36

РАССКАЗЫ

Миנדальные цветы	51
Неринга	67
Диалог мужчин в аэропорту	75

ПОЭЗИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

«Как много дней вокруг ненастье...»	81
«Будущее — у всех загадка...»	81
«Обломком солнечным осиян...»	82
«Солнце, что на закате сонно...»	82
Моя любовь	83
Моей Ларисе Ивановне	84
Неизбежность	85
Чужая тайна	86
«Женщина военной поры...»	87
Поздняя любовь	88
Случайная исповедь	89
Строки разлуки	91
«Беда пришла в мой дом...»	92
«Говорят, что встарь, что давным давно...»	94
«Солнце, остановись!...»	95
«День вчерашний — обман...»	96
Чингизу Айтматову	97

На земле предков	98
Мама	99
«О, Родина! Что с тобою сталось?...»	100
«О, боль моя!...»	101
Раздумья	102
Насирдину Исанову	103
Я все теряю друзей	103
Ваш свет	104
Н. А. Н.	105
Настроение	106
Мой Октябрь	107
Знаешь	108
Потому обязана	109
Если...	110

ПЕРЕВОДЫ

Дождь	113
О себе	114
Новая волна	115
Посвящение	117
Зимняя любовь	118
Две чинары	119

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ПРОЗА

Холодные дожди	123
Какого вида ваш психоз?!	128
Потерянные мгновения	131

САЛИМА ШАРИПОВА

ЖЕРТВА

Редактор М. СИНЕЛЬНИКОВ

Технический редактор С. КЛОЦМАН

Корректор М. БУРНАШЕВА

Сдано в набор 9.02. 93.

Подписано в печать 30.09.93.

Формат 70x108 1/32.

Печать высокая. Печ. лист. 8,5.

Тираж 3000 экз. Заказ № 1432.

Цена договорная.

Ассоциация «Ата-Мекең»

Отпечатано в Жалал-Абадской областной
типографии

306

